

Борис Мир

ДАНЭЯ

ЖЕРТВЫ ПРОГРЕССА

Борис Мир

Данэя. Жертвы прогресса I

«Издательские решения»

Мир Б.

Данэя. Жертвы прогресса I / Б. Мир — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-858304-9

Когда физический труд в результате нарастающего научно-технологического прогресса полностью вытеснится интеллектуальным, тот совершенно очевидно не всем окажется по силам: человечество разделится на способных и не способных соперничать со всё более совершенным искусственным интеллектом. Какая судьба может ожидать последних в определённый критический момент этого реального будущего: не произойдет ли очередной исторический виток социального неравноправия, жертвами которого будут они?

ISBN 978-5-44-858304-9

© Мир Б.
© Издательские решения

Содержание

Часть I	6
1	6
2	10
3	20
4	31
5	35
6	40
Часть II	42
7	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Данэя Жертвы прогресса I

Борис Мир

© Борис Мир, 2017

ISBN 978-5-4485-8304-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Несмотря на большое значение, которое мы придаем победам знания и нашим достижениям, ясно, тем не менее, что только человечество, которое стремится к этическим целям, может в полной мере воспользоваться благами, приносимыми материальным прогрессом, и справиться с опасностями, которые его сопровождают.

Альберт Швейцер

Часть I КРЕМЕНЬ И КРЕСАЛО

1

– Это не то, – сразу мягко, но решительно возразил Дан, когда Лал кончил перечислять опубликованные работы его и его учеников: ведь немало, весьма. А итог их практического использования?!

«Не то!» Это слышишь почти всегда и почти от всех. Лейтмотив современной эпохи, которая воспринимается как всеобщий глубочайший кризис. Мелкие шаги вперед даются ценой невероятного труда при мало ощутимых результатах: почти нет крупных фундаментальных открытий. Сейчас основное – уточнение, доработка и строгое редактирование теорий. И в остальном – усовершенствование, доводка, шлифовка, суперфиниш. Огромная кропотливая работа, безусловно, необходимая, но мало радостная на фоне свершения былых открытий, создания старых теорий: подобных неотесанным глыбам, недоработанным в деталях, не отшлифованным – но гигантских, сразу двигавших науку далеко вперед. И судорожные усилия современного человечества преодолеть, выйти из этого состояния, определяющего весь стиль жизни и многие социальные институты.

– Понимаешь, уже тогда для меня были главными не те, практические, результаты, за которую дали докторскую степень: там был ряд побочных моментов, явно связанных с фундаментальными свойствами пространства. Занимался этим потом всю жизнь. И пока безрезультатно, – Дан замолчал и ушел в себя.

Лал, тоже молча, терпеливо ждал. Он давно стремился встретиться с ним: Дан представлял колоссальный интерес для него, журналиста и историка современной эпохи.

Начинал Дан когда-то блестяще: уже в 23 года стал доктором, успев решить весьма сложную задачу по увеличению плотности аккумуляции энергии. Но затем сразу переключился на проблемы всемирного поля-пространства-времени, где на первых порах быстро сумел получить довольно обнадеживающие результаты. Благодаря им ему было дано координационное разрешение на проведение весьма сложных и энергоемких экспериментов и большой фонд времени использования суперкомпьютеров.

Время от времени публиковались отдельные частные результаты его исследований, представлявшие ценность для практического использования: он щедро раздавал их своим ученикам, но сам почти не занимался их дальнейшей разработкой – после чего надолго замолчал. Вел кроме научной преподавательскую работу, создал курс некоторых разделов фундаментальной физики; его бывшими аспирантами были многие крупные ученые.

Поначалу показался абсолютно таким же, как все крупнейшие ученые его возраста: ушедшим в свою работу настолько, что ничего другого почти не видит и не воспринимает. Но Лал это и ожидал, готовясь к интервью с ученым такого калибра.

Дану сейчас было уже почти 150 лет. Как и многие люди его возраста, он был одет тепло – в свободном шерстяном свитере крупной вязки, вероятней всего самодельном. Без всяких украшений. Голова вся седая, но глаза молодые, живые, и походка упругая. Разговаривая, он ровным мерным шагом шел по аллее. Отвечал на вопросы Лала довольно охотно.

– Понимаешь, порой вдруг мелькнет какой-то смутный проблеск. Кажется, что вот ты и ухватился за кончик нити, – вдруг заговорил Дан, как будто внезапно очнувшись. – И потом снова ни к чему не приходишь. Нить обрывается, мысль ускользает. Остаются лишь попутные результаты, а не то, что ищешь. – Он смотрел Лалу в глаза.

– Великие открытия делались, когда удавалось преодолеть власть существовавших теорий, порой самых фундаментальных, казавшихся совершенно очевидными и незыблемыми. Это так давно известно, и все же... Мы в плену у наших представлений, наших огромных знаний.

– Инерция мышления, да! Груз знаний давит, прижимая мысль. Недаром фундаментальные открытия делались молодыми.

Видимо, эта мысль мучила его. И Лалу нечего было возразить – он попытался перевести разговор на другое.

Дан слушал с интересом. Молодой журналист, имя которого уже было всем известно благодаря его полемическим статьям и книгам, поражал широтой знаний. Есть же способные охватить буквально всё! И Дан уже сам задавал бесчисленные вопросы, на которые Лал не уставал отвечать.

Совсем стемнело, небо покрылось звездами.

– Значит, многое было утеряно?

– К сожалению. Погибло во время войн, пожаров, стихийных бедствий; уничтожено нарочно или случайно. Но многое стало непонятным, даже сохранившись в древних документах, где немало такого, что вновь становится ясным лишь после повторного открытия, а до того рассматривается как аллегория. А что-то ещё ждет своего часа, погребенное в тайниках.

– Подобные находки, я думаю, невероятно интересны.

– Да, почти всегда.

– Расскажи мне о какой-нибудь из них. Ночь теплая, и мне нравится слушать тебя.

– Я рад этому. Охотно расскажу тебе о совсем недавней находке – тем более, что она может представлять для тебя интерес как для математика.

При прокладке путепроводной трубы были обнаружены несколько тетрадей – сшитых стопках листов бумаги – и свернутый в рулон длинный бумажный лист, разграфленный ортогональной сеткой с размерами 10^{-3} метра, с нанесенными на нем графиками. После того, как старые буквы и цифры были заменены современными, обнаружили, что это ряд разностей простых чисел натурального ряда до 6000, в котором бросаются в глаза повторяющиеся группы, обрисованные как одинаковые графические фигуры. В одной из тетрадей дана полная выборка, классификация, обозначения и наименования этих групп.¹

Там же было два письма. В одном – обращения «Михайло» и «Однокамушкин»; другое адресовано «великому Владимиру Неешпапе», которого автор письма тоже периодически называет «Однокамушкиным». Письма написаны разным почерком. Язык – русский, время – XX век. Второе письмо не окончено и, видимо, не отослано. Содержание его любопытно.

Лал раскрыл веер-экран и послал со своего радиобраслета команду воспроизведения картотеки личного архива, находящегося в блоке памяти дома. Найдя название документа, включил его, и на экране возник лист разграфленной в клетку бумаги, покрытый довольно коряво написанными словами. Буквы – поздняя кириллица. Рядом светился перевод:

«... Завидуя люто твоей славе непризнанного гения, автора потрясающей гипотезы зависимости гравитационной «постоянной» от четвертых степеней абсолютных температур взаимодействующих тел, я решил тоже осчастливить человечество чем-нибудь таким.

Простыми числами я чуть-чуть пытался заниматься между делом ещё давно, но, в общем-то, не всерьез. Всё время какие-нибудь причины: то нет времени, то неохота; то нет таблицы простых чисел, а где достать – пес его знает. Находил сам небольшое количество с помощью «решета Эратосфена» и пытался с ними что-нибудь сделать. Причем почему-то почти сразу потянуло сравнивать разности между ними.

¹ http://muchassis.org/primes_structure/index1.htm

Недавно подвернулся в книжном магазине учебник арифметики с таблицей простых чисел до 6000 – я его сходу купил. Построил графики промежутков между соседними простыми числами на миллиметровке, которую приволок с работы. Вроде сплошной хаос. Потом пригляделся: в хаосе этом уйма повторяющихся или, по крайней мере, каких-то правильных групп. Правда, закономерность их повторения выявить не удастся, так что пока дальше уже обнаруженного я не продвинулся, хотя шибко мечталось получение формулы вычисления простых чисел.

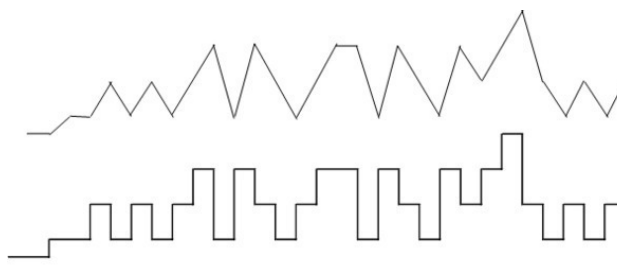
Думаю дальше попробовать вот что: нельзя ли связать эти группы с элементарными частицами? Там есть похожие группы, графические фигуры которых симметричны в вертикальном и горизонтальном направлениях или только в вертикальном, если сама группа симметричная. Напоминается аналогия с элементарными частицами одинаковой массы: положительно и отрицательно заряженными и соответствующими античастицами в первом случае и нейтрально заряженными и их античастицами во втором. При этом может оказаться небезынтересным то, что одни группы могут включать в себя другие, и даже более одной сразу. Кроме того, мне кажется, что поскольку в природе всё взаимосвязано, то не должно быть таких математических закономерностей, которые не отражались бы в каких-то физических явлениях. И потому хочу попробовать, а не удастся ли с помощью этих групп найти периодический закон для элементарных частиц.

Правда, не знаю, сможет ли у меня что-то получиться. А хочется! Ой, как! Смочь, сумеешь – и тем посрамит дьявола. Во!

Страшно охота с тобой встретиться и потолковать, а то» – письмо обрывалось.

– Что скажешь?

– Весьма интересно. Покажи графики.

Они шли один над другим: гистограммы и угловатый. Группы, одинаковые или симметричные, были заметны сразу, даже без стоящих над ними цветных отметок.

– Лал, я хочу иметь этот материал.

– Тебе нужен его адрес в Центральном архиве?

– Нет. Разреши переписать из твоего архива. Сейчас.

Лал понимающе улыбнулся. Обычный прием: многие переписывают огромное количество материала себе в личные архивы, чтобы воспользоваться им в нерабочие дни – с четверга до понедельника, когда связь Центрального архива отключена. Это была одна из мало эффективных попыток помешать людям работать и в эти дни. Дан дал ему пластинку с личным кодом, и Лал, поднеся её к радиобраслету, включил перезапись.

Закончив, он протянул пластинку обратно, но Дан отвел его руку:

– Пусть она будет у тебя. – Это значило многое: признание Лала своим другом. Поднеся эту пластинку к радиобраслету, тот сможет устанавливать с ним прямую связь в любое время, даже когда внешняя связь Дана отключена, и изображение Лала сразу загорится на экранчике его браслета.

– Спасибо, отец мой!

– Всегда буду рад видеть тебя и говорить с тобой. – Дан взял протянутую в ответ пластинку Лала. – Но теперь мне пора: уже довольно поздно, и я устал.

Не это было причиной, но в том он не хотел признаться ни себе, ни Лалу. Сел в прикачившее по его вызову самоходное кресло; Лал, выдвинув из толстых подошв ролики с моторчиками, покатил рядом. Оба молчали.

– Давай прощаться, Однокамушкин, – сказал Дан у транспортного колодца, лукаво улыбувшись. – Кстати: это что-то значит?

– Да. Эйнштейн: шуточный вольный перевод на русский – их язык.

– Вот как! Они были ещё и веселыми людьми.

Кабина выскочила из колодца и откатилась в сторону; откинулась крышка. Надо было садиться. Но Дан медлил, растягивая последние минуты их совместного пребывания, продолжая ласково глядеть на Лала.

Высокий, 230 сантиметров роста, ладный, обтянутый серебристо-серым комбинезоном, с единственным украшением, состоящим из головного обруча с розеткой на лбу, в которую встроены телекамера и микрофон – его репортерские инструменты, – таким он запомнился Дану по их первой встрече.

– Тебя ждут?

– Да.

– Женщина?

Это не должен спрашивать даже друг, и Лал мог не отвечать, но почему-то вопрос его не покоробил.

– Женщина.

– Тогда счастливо! – он коснулся плеча Лала. – А где твоя кабина?

– Мне недалеко.

– Возьми тогда мое кресло. До встречи! – Он лег в кабину. Лал поднял руку в прощальном жесте; крышка опустилась, и кабина исчезла в отверстии.

Лал уселся в кресло и покатил к краю парка, где виселись ажурные каркасы с многочисленными ярусами блоков-жилищ.

Было хорошо: Дан казался способным понимать многое. С которым он сможет, наконец-то, поделиться мучающими его сомнениями; кто сумеет понять его и, может, чем-то помочь. Потому что, как и многие его современники, несмотря на большое количество контактов, он слишком часто чувствовал себя удивительно одиноким. Ведь поглощенные своей работой, собственными мыслями, люди были мало способны проникнуться мыслями и чувствами других и, равно благожелательные ко всем, редко были тесно близки между собой.

2

Кабина неслась по подземной трубе – одной из многих, сетью шедших под городом; по ним осуществлялось почти всё пассажирское движение в нем. Трубы прорывали кротовые машины, которые под конец оплавливали землю, создавая несущую и водозащитную оболочку. Кабина имела автономный привод и двигалась автоматически после того, как в нее вводился адрес места назначения.

Всё подземное движение в городе контролировалось Центральным транспортным компьютером, который, получая и мгновенно перерабатывая всю информацию о движущихся кабинах, определял в конкретной совокупной ситуации оптимальный маршрут каждой из них, обеспечивая её самый быстрый приход в указанное место назначения. Благодаря ему и огромному количеству датчиков в путепроводах кабины двигались очень быстро при полном отсутствии столкновений. Человек в кабине, полулежа в кресле, мог смотреть на экране в крышке программы новостей и объявлений – «газету».

Не только транспорт был упрятан под землю. Там же находились и абсолютно все заводы, производство на которых было полностью автоматизировано, а управление осуществлялось с помощью кибертехники. Их подземное расположение освобождало поверхность земли для жизни и отдыха людей и, кроме того, обеспечивало нормальные экологические условия и безопасность при авариях, которые, правда, давно уже стали исключительной редкостью.

А по земле люди ходили или же не очень быстро катили на чем-нибудь. И повсюду росла зелень: деревья и кусты, трава и цветы. Даже каркасы, на которых устанавливались жилые блоки, почти целиком были обвиты растениями.

... Кабина с Даном свернула в отвод и по трубчатой стойке каркаса поднялась к его блоку, расположенному в одном из последних ярусов. У каждого был свой такой блок с открытой террасой-садиком, засаженной деревцами и кустами; зимой и в непогоду она закрыта прозрачными раздвижными стенами и крышей. Укрепленные на каркасах в несколько десятков ярусов, блоки располагались так, чтобы минимально затенять друг друга. Они были разных исполнений, отличающихся размером и формой, и могли легко монтироваться и заменяться.

Их стены и потолок были из материала, который мог становиться целиком или частями прозрачным или непроницаемым для света, светиться сам, менять окраску и рисунок, служить телеэкраном. Перегородки легко переставлялись и убирались, мгновенно меняя всю планировку жилища.

Мебели и других предметов быта в блоках было немного, потому что всё необходимое хранилось в подземных камерах под домом и по мере надобности быстро доставлялось и затем убиралось роботом. Только блок памяти и стационарный компьютер находились в нем постоянно. И ещё предметы, выполненные по собственному замыслу или даже собственными руками, служа украшением, создавая индивидуальный облик каждого блока – как и посаженные по собственному вкусу растения на террасе. Робот производил регулярную уборку блока.

В блоках работали, спали и отдыхали в одиночестве, включив радиосвязь: слушали музыку, смотрели передачи и фильмы, читали. Кроме самого живущего никто в них, как правило, не бывал – за исключением лиц другого пола.

Вот он и дома. Сейчас... Нет: вначале необходимо поужинать – тем более, что он проголодался. Заказал с браслета молоко и ржаную лепешку к нему.

А пока он подходит к аквариуму, слабым светом озаряющим комнату. За толстым стеклом созданный им подводный пейзаж: искусно уложенные камни – серые с блестками пирита, красные, прозрачный кварц; извиваются длинные стебли кабомбы с изящными перистыми листьями. Из горки струйкой поднимаются пузырьки воздуха. Медленно двигаются две рос-

кошны вувалевы скалярии с серебряными полосами по темному фону. Пяток меченосцев: маленький зеленый самец; два вильчатых самца – один с черными плавниками, другой весь ярко, чисто красный – и две крупные самки такого же подбора. И ещё два жемчужно-серых гурами, шевелящих грудными плавниками-усиками.

Робот подкатил с молоком и лепешкой. Не переодеваясь, Дан взял кружку и сделал большой глоток. Как не старался, медленно, тщательно жуя, есть не мог. Не терпелось!

Наконец-то: сделал последний глоток – и включил графики. На стене. Жадно впился в них взглядом. Группы, удивительные группы: островки закономерности в кажущемся общем хаосе!

В тетради автор дал их полный перечень: посмотрим его ещё раз. Интересны данные им названия: симметриады; лесенки – с одинаковыми разностями соседних интервалов, на гистограмме действительно похожи на лесенки! Группы дополнительно сгруппированы: выделены симметричные друг другу; указан уровень, то есть с какого интервала группа начинается; даны номера первых простых чисел в начале каждой группы; указаны количества повторений групп и их условные обозначения, которыми автор пользовался до начала классификации, ещё только выделяя их.

Во всем явно чувствовался труд дилетанта, хотя, в то же время, тщательно проделанный. Впрочем, может быть, это и хорошо, что был он дилетантом – и потому ничего не повторял из того, что хорошо было известно всем математикам, занимавшимся простыми числами. Результаты, несомненно, интересны.

Вдруг он, действительно, прав? «Поскольку в природе всё взаимосвязано, то не должно быть таких математических закономерностей, которые не отражались бы в каких-то физических явлениях» – так он считал. Эта идея ведь не была никем публично сформулирована и доказана или опровергнута. Если он был прав, она может быть методически весьма плодотворной.

Только почему именно элементарные частицы? Впрочем, это его первое предположение. Но попробовать проверить его надо: кажется, он это заслужил. Несмотря на самоуверенность, с какой брался за эту задачу: он явно не был физиком. И всё же: аналогия одиночных симметриад с нейтрально заряженными и двойная взаимная симметрия асимметричных групп с разноименно заряженными частицами и античастицами подмечена им правильно.

С XX века физика элементарных частиц претерпела несколько раз целый ряд фундаментальных изменений, но периодический закон их ещё не создан: критерий его построения так и не найден. А характеристика каждой элементарной частицы, действительно, связана с набором нескольких чисел, которые пытались научиться вычислять с помощью очень сложных формул, дававших приближенные результаты. Попробовать использовать простые числа ни разу никому не пришло в голову.

Итак... Но элементарные частицы были до сих пор в стороне от работ Дана, и нужных материалов в его архиве нет. Досадно! Теперь жди до понедельника – целых четыре дня – пока не включат общую внешнюю связь Центрального архива. Если бы хоть на день раньше: в рабочие дни недели, с 6:00 понедельника до 22:00 среды по местному времени, им можно пользоваться беспрепятственно! Размещенный в огромном подземном сооружении, он давно полностью заменил библиотеки – хранилища больших количеств отпечатанных на бумаге книг, каждым экземпляром которой мог одновременно пользоваться лишь один человек. Именно оттуда можно получить изображение текста старой книги, любого документа, статьи, фильма, даже свежих результатов произведенных экспериментов.

А впрочем... Точно! В одной из его работ эксперимент строился на ряде свойств элементарных частиц, и там приводились связанные с ними характерные числа. Эта работа, насколько он помнит, в Центральный архив не передавалась, осталась в черновом виде в его личном

архиве. А им – можно пользоваться в любое время. И Дан вводит в компьютер объект поиска, указывая все необходимые элементы для его ускорения.

Компьютер начал поиск, и теперь надо ждать. И довольно долго: придется произвести сплошной перебор всех черновых записей за много лет, невероятно огромной части его архива. Но делать нечего! И Дан сидит и смотрит на графики, горящие на стене.

Может быть, лечь спать? Сигнал разбудит его, если компьютеру что-то удастся разыскать. Впрочем, бесполезно: сам он не уснет. А применять искусственные средства он избегает. Да и рассвет уже недалек. Он включает время на экранчике радиобраслета, потом поворачивается к оркестриону, имитированному под старинный орган: музыка поможет, как всегда.

Приглушенные звуки Адажио Токкаты до-мажор Баха плывут, как разговор с самим собой, и с ними волны сменяющих друг друга цветов заливают стену, окрашивая так и не выключенные графики.

...Сигнал раздался перед самым рассветом. Взяв свернутый в трубку плоский экран, Дан быстро развернул и включил его.

Всего одна частица с необходимыми числовыми характеристиками. Всего одна! Ту работу он, видимо, когда-то, всё-таки, отредактировал и передал в Центральный архив.

Ладно! Пусть компьютер продолжает поиск, а он посмотрит, что можно сделать с этой частицей.

Так: порядок расположения чисел – пожалуй, не случайный. Действительно! Строим гистограмму. Асимметричная. Частица – заряженная, положительно.

Используя полученную гистограмму как трафарет, Дан медленно пустил её вдоль графика по стене. Поразительно! Есть, несомненно: есть сходство, хотя и не прямое – какое-то отдаленное.

А если попробовать для начала хотя бы прологарифмировать характерные числа? Ого! Уже лучше: явное подобие вот с этой группой. Если изменить основание логарифма, фигуры могут стать одинаковыми. Так и сделаем – произведем пропорциональное уменьшение; основание логарифма подсчитаем потом. А теперь опустим вниз, и...

Они слились!!! Фигура графика и гистограмма частицы. После проделанных простеньких операций.

Дан даже на минуту закрыл глаза: не верилось, что так – вдруг, сразу!

Значит... Да нет, пока ещё ничего не значит: одна частица из десятков известных. И всё же!

Если бы удалось найти ещё данные по частицам! И Дан ждал, с надеждой поглядывая на компьютер. Но так и не дождался: дальнейший поиск закончился ничем. Жаль! Теперь уже точно – терпеть до понедельника.

...Дан вышел в сад-террасу, уселся в кресло под яблонькой. Солнце уже взошло и начало пригревать. Было очень тихо и всё казалось прозрачным и свежим. Немного кружилась голова после бессонной ночи. Ничего, поспит днем, в бане.

Да, очень, очень интересно! Пока 1:0 в пользу Михайлы. Надо проверить все частицы: есть – есть вероятность правильности его предположения! Если даже удастся проследить частичное проявление закономерности, не для всех частиц, и это уже немало.

А что тогда? Что может крыться за связью элементарных частиц и простых чисел? Дан усмехнулся: слишком рано ставить подобный вопрос! Это совпадение пока единственное, оно может оказаться случайным. И никакой связи нет. Посмотрим!

Скоро шесть часов: в динамиках раздастся крик петуха. Солнце всё ярче заливает размещенный на террасе блок садик, размером 7 на 7 метров, засаженный двумя карликовыми яблонями, кустами роз и сирени. Есть и кустик полыни и бархатцы: разминать пальцами их цветки и листики полыни и ощущать их горьковато-пряный аромат.

«Кукареку!» Переодевшись в спортивное трико, Дан спускается вниз. Сначала идет, потом трусцой бежит по дорожке между опор каркаса. Так всегда начинается утро.

Он добежал до физкультурного комплекса и вошел в огороженную кустами площадку. Сегодня он самый первый. Четверг, первый нерабочий день недели, – день утренней бани, дневных зрелищ и вечерних пиров. Сюда придут не все: многие пропускают зарядку в этот день.

Только когда, закончив упражнения, умывшись и переодевшись, он выходил, направляясь завтракать, начали появляться и другие, приветствуя его. И в столовой он один, никого больше.

Длинный зал одноэтажного здания, стоящего на земле, ярко освещен утренним солнцем через полупрозрачные стены. После бессонной ночи Дан проголодался. Быстро включил свою картотеку, почти сразу нашел творог и ряженку, – послал команду заказа. И через пару минут вынул их из отверстия между верхней и нижней столешницами.

Здесь каждый питается по своему вкусу. В любом личном архиве имелся для этого большой набор программ приготовления блюд – нужно было только включить название нужного и вариант его исполнения: программа будет передана в память одного из многочисленных кухонных автоматов, который сразу даст заказ на нужные продукты и быстро, используя ток высокой частоты, всё приготовит.

В общем-то, повседневная еда не была слишком замысловатой: главное внимание обращалось на то, чтобы она была полезной и правильно сбалансированной – с учетом особенностей организма. В рацион обязательно входили сырые овощи и зелень, фрукты, орехи и мед. Притом она не была обильной, так как все, как правило, ели в одно и то же время. И, исключая легкий ужин, в столовых.

Дан завтракает в одиночестве, – это непривычно. Поев, чуть соевеет; начинает дремать, и потому сердится, когда кто-то, войдя в столовую, начинает разговаривать и будит его. Но это группа молодежи, а на нее смотреть он любит. Как и многие.

Студенты. Шумя и смеясь, они бросают жребий, и тот, на кого он выпал, посылает общий заказ. Они дружно жуют свежий лаваш, намазанный маслом, завернув в него по куску сыра и запивая чуть терпким желудевым кофе. И непрерывно болтают: никакой солидности – зато их жизнерадостности позавидуешь. Держатся дружно, явно дорожа своей принадлежностью друг другу. Даже одеты совершенно одинаково – и юноши и девушки: в коротких платьях с одним открытым плечом, со всевозможными переходами окраски от ярко-желтого до темно-коричневого, как на любимых Даном цветах бархатцев; в открытых сандалиях с ремешками до колен.

В этом возрасте они ещё учатся вместе. А позже, занимаясь в аспирантуре по индивидуальным программам, станут видеть друг друга всё реже. Даже вечером, даже в нерабочие дни. Каждый уйдет в свою работу, свои мысли. Это естественный процесс в мире, где связи многочисленны, но непрочны.

Ещё приятней смотреть на детей. Во время их экскурсий в научные центры.

... Дети жили отдельно от взрослых, в самых лучших местах на Земле, специально отведенных для них, где их растили и воспитывали педагоги.

Совсем маленькими занимались педиатры с помощью нянь. А рожали женщины, не способные к интеллектуальному труду, которым имплантировали искусственно оплодотворенные яйцеклетки других женщин. Благодаря этому женщины-ученые могли не прерывать своей работы, не терять время и силы на вынашивание и уход за детьми.

Роль «родителей», в генетическом смысле, сводилась исключительно к обязанности сделать в молодом возрасте свой взнос в генофонд, хранившийся в запечатанных ампулах. Используя огромный массив информации о нем и суперкомпьютер, производился оптимальный подбор пар для искусственного оплодотворения. При этом часть пар составлялась случайным подбором, чтобы исключить возможность безвозвратной потери каких-либо качеств,

и, ничтожная, часть, – по однородным расовым признакам с целью их сохранения. Это была сфера деятельности исключительно специалистов-генетиков, целиком взявшим в свои руки воспроизводство человечества; ими же регулировалась и его численность.

В свое время это привело к целому ряду крупных социальных изменений: «родители» полностью освободились от каких-либо забот о собственных детях – и семья, став ненужной, полностью исчезла. Люди приобрели полную свободу в личной жизни, отсутствие в ней всяких запретов. Партнеров не связывало ничего, кроме взаимного желания – ни дети, ни общее хозяйство, ни материальные заботы, от которых их давно освободил прогресс; они жили раздельно, каждый в своем блоке. Как и прочие, интимные связи легко возникали и так же легко распадались без каких-либо последствий. К этому подходили как к чему-то второстепенному; оно было сугубо личным делом каждого и абсолютно никого больше не касалось и не интересовало.

В основе всё сводилось к простому удовлетворению сексуальной потребности. Как исключения были и длительные связи, некоторые в течение всей жизни. Но и в них сношения одного из партнеров с кем-то ещё не считалось чем-то обидным для другого: не мешает же никому разговаривать с другим то, что он разговаривает не только с ним.

А дети находились в руках специалистов, обеспечивающих наиболее правильный уход и воспитание. Жизнь их разделена на ряд последовательных стадий; в течение каждой из них они живут в определенном детском заведении, а затем перемещаются в другое, с другим составом детей. Чтобы стабилизировать однородность общества, избежать возникновения замкнутых сплоченных групп людей, росших вместе с ранних лет.

Первые три стадии – ясли, детский сад и школа. Небольшая часть детей с очень низкими способностями, не пригодные в будущем заниматься интенсивным интеллектуальным трудом, постепенно отделяются на этих стадиях от остальной массы детей; в дальнейшем они уже не получают нормального образования. А полноценные дети продолжают учиться: последовательно в гимназии, лицее, колледже и университете, переходя после окончания каждой ступени в другое учебное заведение, состав которого комплектуется из учеников, близких по уровню способностей, в зависимости от чего определяется срок обучения их на этой ступени.

По мере прохождения ступеней меняется их образ жизни. В гимназии и лицее они, как и в школе, продолжают заниматься с педагогами в классах и кабинетах, но, начиная с лицея, спят уже не в общих спальнях, а в индивидуальных. В колледже занимаются преимущественно самостоятельно, но с регулярной проверкой педагогами; в университете – исключительно самостоятельно.

Обучение проводилось с помощью специальных компьютерных программ. Роль педагога сводилась главным образом к методическому руководству учебным процессом и выявлению, в какой области могут наиболее полно раскрыться способности ученика.

Кроме изучения наук дети приобретали необходимые навыки: работы на компьютерах, обращения с приборами, ведения лабораторных работ, ручных работ и на не автоматизированных станках. Огромное внимание уделялось их физическому воспитанию под непрерывным наблюдением врачей-физинструкторов.

И не меньшее эстетическому развитию: обучению игры на оркестрионе, пению, танцам, рисованию, лепке. Часто проводились экскурсии в научные центры, заводы, в музеи, к историческим и архитектурным памятникам – в самые разные места планеты, а в старшем возрасте и за её пределы.

Выпускник университета считался уже взрослым: он самостоятельно выбирал себе будущую профессию и поступал на какой-либо факультет специализированного учебного института в одном из научных центров. Его кроме учебы привлекали к участию в выполнении научной работы, в процессе которой он начинал общаться с учеными, работавшими в избранной им области. Жил он уже в отдельном блоке.

В аспирантуре занимались по индивидуальным программам и выполняли самостоятельную научную работу при наличии руководителя. Завершающим этапом являлась докторантура, где человек выполнял совершенно самостоятельно достаточно крупную работу, после чего становился доктором – ученым. Это была общая норма – вне зависимости от специальности. Затем в течение жизни можно было – по желанию или необходимости – снова учиться: либо по общей факультетской программе института, либо по индивидуальной аспиранта.

Так все росли и учились. На полном попечении общества. Совершенно не зная своих родителей. Общие дети всего человечества.

От былых времен остались слова: отец, мать; сын, дочь; сестра, брат – но теперь это лишь ласковые обращения. Друг друга чаще называют «коллега», ласково «друг» или уважительно «сеньор»: в его первоначальном значении – «старший». Но самыми почтительными обращениями были «учитель», «учительница»: связь учителей и учеников была самой близкой из существующих связей людей разных поколений.

Детей видели ничтожно мало: не всегда находились там, куда их привозили – чаще работали дома, используя телесвязь. Эти редкие встречи с детьми всегда доставляли удовольствие, а беседы с ними, как ни странно, оказывались порой очень полезными. Вопросы их, иногда ставшие в тупик, часто позволяли вдруг увидеть многое с совершенно неожиданной стороны.

...Студенты продолжали громко спорить, часто прерывая оживленную болтовню громким смехом. Дан не раз улыбался их шуткам и уже подумывал примкнуть к их разговору. Но они, сунув грязную посуду между столешниц, исчезли так же быстро, как и появились.

Делать в столовой было больше нечего, и он поднялся – пора идти в баню.

Сегодня с утра все люди в них – огромных, великолепных. Лучшие архитекторы строили бани, отделывая камнем и настоящим деревом: там всё, что душе угодно, чтобы интенсивно смыть усталость и наилучшим образом выглядеть на пиру. Отделанные смолистыми сосновыми досками влажные и сухие парилки; мыльные отделения с каменными ваннами; огромные плавательные бассейны с прохладной, ледяной, морской водой; мелкие бассейны для лежа. Высокие залы для отдыха с журчащими фонтанами; тенистый сад в защищенном от ветра внутреннем дворе. В каждой парилке своя банная компания, которая парится по особому.

Дан блаженствует, забравшись на полочку. Горячий пар делает тело легким; березовые веники переходят из рук в руки – в парилке нет роботов: сами хлещут друг друга, подбавляют пар, выплескивая воду на раскаленные камни. Всё, как у предков.

Дан теперь парится сравнительно недолго: возраст не тот. Он вскоре перешел в мыльное отделение и залез в розово-серую мраморную ванну, наполненную душистой пеной. Намылив голову шампунем, погрузился в нее до самого подбородка. Моющий раствор бурлит, приятно пощипывает кожу.

Через несколько минут он уже под душем, массирующим тело бьющими со всех сторон струями. Потом стал нежиться в мелком бассейне с прохладной пузырящейся водой, окрашенной какими-то солями.

Отдохнув, снова забрался в парилку и на этот раз попарился всласть; выбежав оттуда, прыгнул в бассейн с холодной водой. Разгоряченная кожа не чувствует холода: кажется, что плывешь в воздухе, совершенно не ощущая температуру воды. Только легкость и удивительная бодрость: как будто ты ещё молодой, как будто тебе ещё нет и ста лет.

Накинув простыню, он устроился на широком диване около фонтана.

Многие отдыхают перед новым заходом в парилку, потягивая легкое пиво, лучше всего утоляющее жажду. Но Дану уже довольно: он сразу стал пить зеленый чай, подливая его в пиалу. Все из его парильной компании, перебросившись с ним парой слов, уходят париться дальше.

Он пьет маленькими глоточками. Легкая, приятная испарина покрывает тело; от фонтана веет освежающей прохладой. Спать совершенно не хочется.

Надо бы связаться с Лалом, сообщить ему об обнаруженном, хотя пока единственном, совпадении. С этой мыслью он мгновенно засыпает.

Люди приходят, чтобы отдохнуть, и снова уходят париться и плескаться. Кто-то заботливо укрыл Дана простыней.

...В полдень большинство, переодевшись в вызванную из дома одежду, уехали – на стадионы, в театры, концертные залы. В четверг все зрелища и концерты исключительно дневные: заканчиваются не позднее 16 часов. Но самые заядлые любители бани остались; они отнюдь не отказывали себе в зрелищах: лежали с развернутыми экранами на диванах и даже в мелких бассейнах, заложив звукоприемники в уши.

А в саду-дворе перед огромным экраном расположились любители роллинга – хоккея на самоходных роликах. С этой игрой по темпу и напряженности не могла сравниться ни одна из когда-либо существовавших, поэтому она была самой популярной. Игроки как молния носятся по полю, гоняя клюшками небольшой яркий мяч. Игра всегда идет с крупным счетом и вызывает бурные эмоции зрителей. Хотя звукоприемники у них в ушах, сами они шумят так, что могут разбудить любого.

Но не Дана: он спал как убитый.

В 16:00 громкий сигнал разбудил его: пора была одеваться к вечернему пиру. Домой ехать не хотелось: он включил картотеку своего гардероба, тщательно выбрал одежду для пира и послал команду привезти её в баню, а сам тем временем окунулся в бассейн с ароматической водой.

Куда ехать, в какой ресторан – Дан, как всегда, не помнил. Выбором занимается Арг: он каждый раз записывает ему имя ресторана в блок памяти. Дану, в общем-то, не так уж важно, где они будут пировать: он небольшой гурман, да и особой веселостью не отличается. Главное, провести вечер с очень хорошо знакомыми людьми: несколькими своими учениками, с которыми пирует каждый четверг уже много лет.

Но одет он для пира всегда соответствующим образом. Сегодня на нем длинное белое платье из тонкой мягкой шерсти и широкая накидка с длинной бахромой из крученого шелка поверх, сколотая на левом плече золотой пряжкой с головой зверя. Его белые волосы и борода свисали длинными вертикальными локонами; голова повязана идущей через лоб широкой лентой, концы её свисают с левого виска до плеча. Сегодня он нарядней, чем в предыдущие четверги: безусловно, благодаря настроению после прошедшей ночи.

Кабина доставила его в вестибюль ресторана. Вся группа уже ждала его там: без него за стол они никогда не садились.

Кулинар, как радушный хозяин, встречал у входа своих гостей. Здесь он – главное лицо. Все блюда пира подбираются только им: никто здесь не может сам заказывать по имеющимся у него программам – для этого существуют столовые.

Люди не всегда пользуются готовыми программами – многим нравится самим выдумать новое блюдо или приготовить уже известное по особому и потом в столовой угощать им, переписывая всем желающим программу изготовления. Иногда, действительно, получается неплохо; но, всё же, это – чистой воды любительство.

Настоящее, высокое искусство представляли кулинары-профессионалы: их считали композиторами вкуса. Каждый из них выступал по четвергам в своем ресторане с программой пира, составленной из тщательно подобранных блюд и напитков, созданных самим и заимствованных из современной или многочисленных старинных национальных кухонь. Незначительно дорабатываясь и меняясь, программа длилась до тех пор, пока все желающие не успевали побывать на ней; и в это время кулинар готовил свою новую программу.

С ним вместе в подготовке её принимал участие художник, создававший оформление блюд, сервизы и приборы к каждой их смене, интерьер зала и его элементы: мебель, скатерти, драпировки. Каждый четверг он украшал ресторан свежими цветами.

Но кулинар не был главным лицом во время самого пира – его роль сводилась лишь к управлению сменой блюд в наиболее подходящие для этого моменты. Царил в зале шут – он организовывал веселье: был режиссером праздничного концерта, участниками которого должны были быть все гости без исключения. Стать шутком мог лишь одаренный артист, обладающий большим обаянием и неистощимый в остроумии. Он вел стол: рассаживал гостей, провозглашал тосты и здравицы и первым запевал застольные песни.

...Искрится вино. В высоких хрустальных бокалах, отделанных металлом рогах, плоских фиалах. Легкое виноградное вино, которое пьют по глотку, которое пьянит чуть-чуть; или безалкогольное – лишь бодрящее.

Шут поднимает свой фиал, протягивает его вперед. Всё замолкает.

Будем все мы вместе, едины,

И радость пусть будет на лицах видна!

Будем все мы вместе! Будем все мы вместе!

Выпьем немного вина!

Что это за песня? Шут случайно наткнулся на запись её исполнения среди собрания песен былой эпохи. Потрясенный, он решил воскресить её: перевел текст и приберег для очередной программы, не меняя ничего ни в мелодии, ни в исполнении – без сопровождения.

У каждого в одной руке вино, в другой – раскрытый веер-экран, на нем текст и ноты. Гости начинают подпевать шуту – его голос звучит над хором; ширится и становится мощным всеобщее слаженное пение.

Шут идет к Дану, протягивает к нему свой фиал:

– ... И радость на Дана лице пусть видна!

Дан сегодня старейший на пиру; он протягивает свой бокал с безалкогольным вином навстречу: по древнему обычаю, они чокаются.

Шут идет дальше, подходит к самым почетным гостям, своими успехами заслужившими сегодня эту честь, поет здравицы им. Под конец – здравицы хозяевам пира – кулинару и художнику. После этого замолкает – хор гостей провозглашает здравицу ему.

Звенят чаши, чокаются соседи по столу. Все отдают должное блюдам – плодам творчества кулинара.

После третьей смены блюд началось веселье. Опять раздалось пение – поют почти все. И танцуют потом тоже почти все. Эти люди умеют веселиться: их должным образом обучили этому – они знают множество песен, и современных и старинных, текст которых переведен на современный язык; они умеют танцевать невероятное количество танцев. Шут разжигает веселье, первым начиная танец, запевая, заставляя гостей по очереди солировать.

Надолго выходить из зала не полагается, но многие всё же стараются сделать это хоть ненадолго, чтобы в вестибюле поговорить о работе: в зале подобные разговоры не считаются уместными. Как всегда, сразу начинают говорить о ней, обсуждать свои проблемы и спорить. Тут же появляются и другие, чтобы начать то же самое. Таковы уж они, современные люди.

Дан первым сегодня сделал это, и следом один за другим в вестибюле появились Арг и остальные из их группы. Дан стал рассказывать о полученном у Лала материале, о найденном им совпадении.

– Нужна вся выборка характерных чисел по элементарным числам. Иначе придется ждать три дня. Целых три дня!

– Друзья, что есть у вас из нужного учителю? – спрашивает Арг.

– На три частицы у меня, – говорит Лия. Но это – всё: подобный материал никому из них у себя в архиве держать было незачем.

– Попытаемся найти ещё у кого-нибудь, – предложил Арг, самый практичный из всей группы.

– Как? Придется ведь говорить о работе в зале. Как-то не совсем... – попытался возразить ему один из них.

Но остальные – не колебались: Дан заразил их своим нетерпением. Ждать до понедельника?! Ладно: надо в зале как можно тактичнее провести разведку, а при обнаружении нужного потихоньку увести владельца его в вестибюль. Как будто это делается в первый раз! И они поспешно вернулись в зал: до новой смены блюд ходить от стола к столу, от группы к группе, чтобы перекинуться со знакомыми парой слов.

Шли по цепочке: сначала к своим знакомым, с ними – к их знакомым. Но вся трудность была в том, что физическом центре Звездограда никто не занимался непосредственно элементарными частицами: они стояли несколько в стороне от основных тем, над которыми здесь работали.

...Дан сидел в своем кресле с высокой спинкой, смотрел на танцующих. Никто не догадывался, что нетерпение гложет его.

Шут вел хоровод: два огромных кольца, мужчины и женщины, двигались, извиваясь в танце. Тем, кто не танцевал, трудно оторвать от них взгляд.

Особенно прекрасны были молодые, сверкающие наготой своего совершенного тела: если ты прекрасен – одежда не нужна. Совсем. Или пусть будет прозрачной. Стыдно обнажать лишь то, что уже перестало быть прекрасным.

Танец – то быстрый, исступленный; то медленный, наполненный скрытой страстью. Те, кто нравятся друг другу, стараются очутиться поближе. И если твоя протянутая рука встречает ответное прикосновение, а пальцы крепко сплетаются с твоими – значит, сегодня ночью вы будете вместе.

Гай, аспирант Лии, танцует с девушкой в прозрачном кимоно. Оно очень подходило ей: она чисто японского типа, из числа тех немногих, «родители» которых подбирались по расовым признакам. Прекрасно её тело, прекрасно лицо. И глаза с нежностью смотрят на Гая, подобного бронзовой античной статуе, в набедренной повязке из шкуры леопарда, с золотыми лентами на торсе и голове.

Они уже знают, что он – Гай, а она – Юки, в соответствии с её японской внешностью. Он аспирант-физик. А она?

– Я тоже уже аспирантка. Занимаюсь общими проблемами систем. Вернее, только начинаю.

– С чего?

– Переписываю в свой архив различные системы. Пытаюсь их сравнивать.

– А элементарные частицы? С ними ты имела дело?

– Да. Не так давно.

– Правда?! Тогда прошу тебя, очень: давай выйдем!

– Что с тобой, милый? Ты хочешь говорить о работе? Мне сейчас не до нее: страсть к тебе туманит голову – я хочу танцевать с тобой!

– Очень, очень надо, Юки. Прошу тебя, сестра! – взмолился он. Его руководитель, Лия, и Арг обратились к нему за помощью после того, как поиски среди их сверстников кончились ничем. Они попросили его разузнать что-нибудь у молодых: докторантов, аспирантов, студентов; польщенный их доверием, Гай пообещал сделать всё возможное. И даже увлеченный танцем с девушкой, с которой уже успел сплести пальцы, не забыл об этом.

Он взволнованно рассказал ей о ряде разностей простых чисел, о поразительном результате его сравнения с единственным имевшимся набором характерных чисел элементарной частицы.

– Если бы можно было найти больше материала, чтобы не ждать до понедельника! Пока нашли только ещё три частицы в архиве моего руководителя. И всё.

– Тогда у меня именно то, что вам надо: я пробовала обрабатывать полную их систему.

– Да?! – на такую удачу, да ещё так сразу, Гай никак не рассчитывал.

... – Учительница, это Юки: у нее в архиве есть полная выборка элементарных частиц! – возбужденно сообщил он Лие.

– Учитель! Есть полная выборка! – в свою очередь поспешила та к Дану.

Для них остаток пира превратился в сплошное томительное ожидание его конца. Они бы ушли немедленно, если бы это не было равно оскорблению хозяев пира. Но они уже не приоткрылись к десерту, не принимали участия в пении и танцах; даже оба молодых аспиранта, присоединившихся к группе. Чаше других выходили из зала и совещались, распределяя между собой работу.

А пир всё продолжался, и веселье не утихало. И когда, наконец, он кончился, они сразу отправились по домам. В кабинах. Они одни.

Остальные, как всегда, двинулись домой пешком. Шли не спеша, с пением и смехом. И многие разошлись парами, чтобы достойно завершить пир.

3

Лал так и не дождался в четверг радиовызова Дана: если утром Дан боялся помешать его свиданию, а потом заснул, то вечером поиски информации и открывшаяся возможность продолжения работы захватили его настолько, что он забыл о Лале.

А Лал ждал. В вопросах Дана угадал вчера главное для себя: способность того с интересом и вниманием относиться к вещам, довольно далеким от его работ. К этому добавлялось умение слушать и понимать другого. С ним можно будет выговориться до конца. Даже если Дан будет не согласен с ним, то даже своим вниманием окажет ему огромную услугу. Пока все робкие попытки высказаться встречали полное непонимание и равнодушие, а то и вызывали глухое раздражение. А бродившие в нем мысли и сомнения жгли; ему хотелось освободиться от их гнета, вызывавшего мучительное ощущение одиночества.

В тот вечер ему очень не хотелось расставаться с Даном, не хотелось спешить к женщине, ждавшей его. И когда она, насытившись им, нагая и красивая, лежала рядом, уснув у него на плече, он совсем о ней не думал – был полон впечатлениями встречи с Даном, ощущал его дружеское прикосновение, видел ласковый, вдумчивый взгляд.

Утром он рано ушел от нее, чтобы в случае вызова никто не помешал их разговору. Он чувствовал по вчерашнему оживлению Дана, что тот материал очень заинтересовал его. На таких ученых, как Дан, очень похоже заняться тем, что заинтересовало, немедленно, не откладывая. И ночь таких никогда не останавливала. Если Дан что-либо обнаружит, то непременно вызовет его, чтобы сообщить. Но Дан его не вызвал, а сам он постеснялся это сделать.

Четверг прошел как обычно. После бани Лал отправился в театр, после него успел побывать на ипподроме: он любил животных, лошадей и собак особенно. Потом вечерний пир. Из ресторана он ушел домой вместе с женщиной.

Не с той, с которой был накануне. С другой. Потому что он нравился женщинам, и редко его протянутая рука не встречала ответного прикосновения; чаще ему было достаточно лишь протянуть руку в ответ. А также потому, что ему было всё равно: та или иная – все красивы, все умны; ни с одной не будет скучно – и вряд ли хоть какая-нибудь из них захочет его слушать, если он рискнет говорить о самом своем сокровенном.

...После четверга с его интенсивным каскадом развлечений, дававшим эффективную встряску усталым людям, шли ещё три нерабочих дня. Многие предпочитали провести их на лоне природы, отправляясь в туристские походы в любые уголки Земли: пешие, лыжные, лодочные. Охотились и ловили рыбу; собирали грибы, орехи, ягоды и дикie плоды в лесах, где в эти дни прекращали работу роботы-сборщики, и заодно цветы, листья, ветки и корни, которыми украшали свое жилище. Другие отправлялись любоваться архитектурой былых эпох, посещали музеи, чтобы увидеть подлинники великих шедевров искусства.

Их обслуживала целая армия людей, организуя и обеспечивая множества мероприятий, вовлекая в них, заставляя полноценно отдыхать. Служба эта считалась весьма важной и была укомплектована людьми талантливыми, вооруженными большой эрудицией и великолепным знанием психологии. Совершенные под их руководством групповые экскурсии расширяли кругозор, давая одновременно необходимую умственную разрядку.

Многие отдавали это время любительским занятиям искусством. Но больше всего было тех, кто, оставаясь дома, продолжал работать.

...Лал улетел на рыбалку – главным образом, чтобы наедине ещё раз продумать ряд вещей. Ракетопланом, а затем аэрокармом он добрался до хорошо ему знакомой таежной реки. Места вокруг были далеки от городов и мало популярны у туристов. Никого не увидишь: только звери да редкие роботы-сборщики ягод, лекарственных трав и сухих веток.

Он с удовольствием дышал таежным воздухом, пахнущим нагретой смолой. Сделал заброс с берега и уселся ждать поклевки. Солнышко пригревало, ветерок чуть обдувал, и он старательно отгонял мысли, боясь прозевать поклевки.

Потом небо застлало облаками. Но к тому времени он уже поймал пару рыбин – хватит на уху и пожарить: робот приготовит быстро.

Выпил темной, настоящей на травах по своему особому рецепту, водки, съел горячую уху и зарумяненную как следует рыбу. Клонило в сон. Ветер усиливался, шумели верхушки кедров и лиственниц. Лал забрался в палатку, лег и, укрывшись электроодеялом, почти моментально заснул.

... Через час его разбудил шум дождя. Он откинул оконную шторку: темнота, вид самый тоскливый. Напился горячего чая и снова улегся, закурил. В трубке – курительная жидкость, капельки которой, проходя через нагреватель, работающий от микробатарейки, выходят в виде паров, создающих вкус во рту – и абсолютно безвредных.

До чего неуютно он чувствует себя. Гнетут и шум ветра, и сырость, вместе с воздухом входящая в палатку. Небо там, снаружи, угрюмое, свинцовое. Тоскливое ощущение, что ты прочно отрезан от всех. Вызвать аэрокар, чтобы улететь отсюда? Куда-нибудь: где светит солнце?

А! Ерунда. И там будет тоже: так же неуютно он чувствовал себя и дома и на пиру. Потому что он сейчас, действительно, прочно отрезан от всех. Тем страшным открытием, которое недавно сделал. Пока лишь для себя: никто не хотел его выслушать и понять.

Тягостное чувство отступило только позавчера, во время разговора с Даном, когда появилась надежда на возможность понимания. Но Дан пока молчит – Лал ни за что не решится вызвать его первым.

Пора подумать, пожевать свои мысли.

В величайшей древней книге – Библии, в части её Екклесиаст (Проповедник), он когда-то прочел:

«Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чем говорят: „смотри, вот это новое“; но это было уже в веках, бывших прежде нас. Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после».

Эти слова, приписываемые древнему мудрецу – царю Шломо (Соломону), поразили его тогда. И они тоже были повторены, много позже. Как один из основных законов диалектики – закон отрицания отрицания: явления непрерывно повторяются, но каждое следующее повторение происходит на более высоком уровне.

Для всех это были прописные истины, для него – не только. Именно используя это положение, он при сопоставлении былых эпох с нынешней наткнулся на ряд малоприятных аналогий. Впервые подобное случилось, когда он делал докторскую диссертацию, и это пробудило интерес его к историческому анализу окружающей действительности. Самый ценный материал для этого могло дать занятие журналистикой, и он стал тогда дополнительно учиться в литературном институте.

История. Она много может рассказать и подсказать тому, кто любит её и способен многое хранить в памяти. С самого детства она была для него главным. Он поглощал исторические книги и фильмы, впитывая в себя и запоминая огромное количество фактов, имен и дат. История была его страстью. Хотя и по другим предметам он также хорошо успевал благодаря своей способности во всем чувствовать главное: это тоже помогало лучше понимать историю, и с такой меркой он к ним и подходил.

Тема его докторской диссертации называлась «Гуманизм современной эпохи». Критикой основных общественных принципов там не пахло: они казались, как всем, несомненными, – но всё же были отмечены как теневые кое-какие стороны действительности.

Она привлекла к нему внимание: через несколько дней после её защиты он получил приглашение работать в «Новостях». Марк, редактор, с которым ему предстояло работать, отметил в диссертации ряд ценных для журналиста качеств: умение доходчиво излагать в сочетании с большой информационной насыщенностью, видеть главное и динамично анализировать. Но, главное, – несколько необычный сейчас подход к действительности как очередному этапу исторического развития, являющимся прямым продолжением предыдущих эпох, с которыми он сравнивался.

– Прекрасно! Интерес к истории сейчас незначителен. По моему, это порой мешает правильному пониманию явлений. Твой подход будет очень полезен.

И Лал занялся для начала репортажем. Окунувшись в жизнь, близко познакомился с невероятно большим количеством явлений, с огромным числом людей. Появились его первые очерки, эссе и, наконец, книга. Многие уже знали его имя, что способствовало работе, в результате которой он накапливал ценнейший материал.

И тогда снова пришли сомнения, связанные с некоторыми сторонами жизни современного человеческого общества.

К тому времени человечество было давно интегрировано. Нации и расы исчезли, и лишь небольшое количество расово чистых групп, крайне малочисленных, искусственно сохранились генетиками; но они отличались от других только внешне.

Прогресс науки и технологии освободил людей не только от материальных забот, но и от неинтеллектуального труда. Основной массой людей стали ученые, и главными – цели научного прогресса: люди становились всё более одержимыми ими и считали необходимым жертвовать во имя их чем угодно. Тем более...

Тем более, что предыдущая эпоха была эпохой великих научных открытий, и среди них одно из самых замечательных – полное преодоление иммунной несовместимости. Главным и тогда уже стала наука, намного опережавшая в своем развитии производство, не поспевавшее за ней.

Когда прогресс её замедлился, что явилось началом современной эпохи, уровень производства и всё, что с ним было связано, начали подтягиваться к достигнутому уровню науки и почти с ним сравнивались к настоящему времени. Насыщенность кибертехникой достигла максимума: она была абсолютно везде, высвобождая время и силы людей для исключительно творческих занятий.

Работа огромного комплекса производства обеспечивалась колоссальным ресурсом энергостанций. Они работали главным образом на термоядерном топливе земного происхождения и привозимого ракетами с других планет. Как и заводы, эти станции размещались под землей. Энергию давали и станции других видов: ветровые, приливные, геотермальные. В основной массе энергия поступала в потребление в сверхкомпактных аккумуляторах; в таком же виде её получали и с других планет.

Огромный ресурс энергии позволил, не считаясь с низким коэффициентом полезного действия, механизировать и автоматизировать все сельскохозяйственные работы. В сочетании с агротехникой и селекцией это обеспечило высокую интенсивность производства продуктов питания и сельскохозяйственного сырья. Было культивировано много новых видов растений и животных. Армия роботов-сборщиков добавляла к сельскохозяйственным продуктам и дикорастущие.

Но обеспечить изобилие за счет лишь увеличения интенсивности было невозможно. Второй резерв – повышение экстенсивности² использовали путем орошения пустынь и освоения

² Количественное, а не качественное увеличение, развитие.

амазонской сельвы, в допустимых для экологии планеты пределах; продвижения на север, закрывая грунт теплицами; за счет использования поверхности и глубин океанов и морей.

Было сделано ещё немало важного: понят ряд вещей и приняты необходимые меры, улучшающие условия существования. Борясь за чистоту воздуха, люди отказались от получения энергии путем сжигания топлива – оно использовалось исключительно как химическое сырье. Ещё задолго до наступления современной эпохи перестали существовать двигатели внутреннего сгорания; теперь же совершенно исчезли благодаря обилию электроэнергии и старые способы получения металлов из руд. Не было гидроэлектростанций, ухудшающих экологический режим регионов.

Люди страшно бережливо относились к основному источнику регенерации кислорода – растениям, обилие которых считали обязательнейшим элементом своего существования. Из-за этого почти исчезла из употребления бумага: существующие способы машинной микрозаписи исключили потребность в ней как в писчем материале, которого потребовалось бы невероятное количество, и тем спасли леса от вырубания. Специальные роботы вели непрерывное наблюдение за деревьями, удаляя и собирая сухие ветки и сучья, используемые как сырье в химической промышленности и производстве синтетических волокон: это способствовало и оздоровлению и улучшению внешнего вида лесов.

Неделя содержала три рабочих дня, по шесть часов каждый. Официально. Это только время совместной работы – при проведении экспериментов, операций, совещаний и консультаций. В остальных случаях работать можно было и дома, что было удобней и чаще всего делалось, – но в рабочее время радиосвязь всех должна быть обязательно открыта.

Остальное время тратилось по собственному усмотрению. Много его отводилось для отдыха и развлечений: четыре нерабочих дня и два месячных ежегодных отпуска. Обеспечение отдыха было мощным – для того чтобы люди могли интенсивно трудиться в сравнительно небольшое время, отведенное для обязательной работы.

Но почти все люди были учеными, главная, основная работа которых происходит в мозгу и ни в какое время полностью не прекращается. Работа – их главный интерес, смысл и наслаждение в жизни. И они продолжают работать всегда и везде. Эти люди говорят и спорят, обсуждая свои проблемы, где только можно. Часто ночами не встают из-за компьютера, ворочаются без сна на постели, нередко доводя себя до острого переутомления, нервного и психического истощения.

Они способны думать о своей работе даже во время спортивной игры. Озаренные вдруг мелькнувшим решением, к которому они долго и трудно шли, испытывают такой подъем, что ничто не может сдержать их напор: мяч и шайба точно попадают в ворота, корзину, сетку; шар уверенно идет в лузу, и фигуры на доске прорывают оборону партнера – не было большей радости, чем при достижении творческой удачи.

Внешне они сильно отличались от своих предков: все высокие, стройные, с красивым мускулистым телом, прекрасной осанкой. Благодаря тому, что с детства и до конца жизни уделяли много внимания спорту и различным физическим упражнениям, особенно по древней системе «хатха-йога»³. За ними постоянно следили врачи-инструкторы, периодически назначавшие новый комплекс упражнений, режим и состав питания. Благодаря всему этому они обладали необходимой для интенсивной интеллектуальной работы физической выносливостью. Это же способствовало увеличению продолжительности жизни до 200 лет с сохранением

³ Хатха-йога – индийское учение о психофизической гармонии, достигаемой с помощью физических средств воздействия на организм (диета, дыхание, асаны, и пр.), и психических средств (медитация и концентрация внимания во время выполнения асан, дыхания).

почти до самого конца здоровья и работоспособности и до очень позднего возраста половой потенции.

Но, конечно, не только благодаря упражнениям и спорту: многое делала медицина, особенно хирургия. Полное преодоление иммунной несовместимости⁴ сделало возможными пересадки любых органов и членов тела. За счет этого осуществлялся ремонт организма и исправление дефектов внешности. Поэтому все были красивы. Поэтому никто не носил очков – кроме защитных, от солнца. Вершиной достижений хирургии являлась пересадка головы на другое тело – молодое, благодаря чему крупнейшие ученые Земли получали возможность прожить ещё одну жизнь.

В их внешний вид внесло свой вклад и изобилие тканей из натуральных и синтетических волокон, натуральных и искусственных мехов и кожи, металлов, пластмасс, искусственных камней, не уступавших натуральным, и всевозможных великолепных красок. Легкость переналадки универсальных машин, изготавливавших одежду, обувь и украшения, почти упразднила моду: каждый одевался согласно собственному вкусу. В ателье специалисты по одежде давали консультации и предлагали фасоны, используя огромные сборники образцов и собственные исследования и разработки. Там же кибер по выбранным фасонам, обежав лучом тело человека, делавшего необходимые движения, составлял программы изготовления и передавал их в личный блок памяти. Они обеспечивали возможность быстрого изготовления в любое время, поэтому лишние вещи никто не считал нужным иметь.

Всё человечество давно говорило на едином языке, искусственно созданном лингвистами по принципу построения эсперанто⁵ – на основе существовавших языков, из которых взяли наиболее распространенные в мире корни слов; с такой же легкой, простой и логически стройной грамматикой, не допускавшей никаких исключений из правил. Базой его послужили почти все языки Земли – вобрав в себя самое ценное из них, он был необычайно красив, звучен и выразителен.

Совершенно новое начертание букв, вновь принятый для текстов древний порядок изменения написания – бустрофедон: слева направо в нечетных и справа налево в четных строках, и многоцветность текста обеспечивали высокую скорость чтения.

Совершенная техника связи и киберы способствовали осуществлению полного демократического управления: вопросы, касающиеся всех людей Земли, выносились на всеобщее обсуждение и голосование. Регулярно проходили передачи их во все личные архивы по специальному каналу всегда открытой связи: ознакомление с ними было обязательным для всех. Давалась полная информация, необходимая для определения каждым собственного мнения, которое в приемлемой для киберов форме передавалась в единый центр, обрабатывающий всю сумму полученных мнений. Результаты докладывались в следующих передачах, а возможные варианты вытекающих из них решений ставились на голосование, в котором участвовали все члены общества – ими считались закончившие университет. По результатам голосования принимались окончательные решения. Всеобщий высокий уровень знаний обеспечивал необходимую компетентность в решении вопросов.

⁴ Состояние, при котором клетки или органы (донора приживаются и функционируют во внутр. среде др. особи (реципиента). Соответственно отторжение иммунной системой реципиента донорских клеток, тканей или органов, а также разрушение донорскими иммунокомпетентными клетками тканей реципиента является проявлением тканевой несовместимости.

⁵ Эсперанто – международный язык, проект которого разработал в 1887 г. варшавский врач Л. М. Заменгоф. Его основу составляют интернациональные слова, часто понятные без перевода, и 16 основных грамматических правил. Структура и словарь эсперанто достаточно просты, чтобы человек без особых способностей к языкам мог за 3–6 месяцев занятий научиться вполне свободно объясняться на нём.

Текущими делами управления занимались специальные, утверждаемые в выборном порядке, координаторы. Главным координационным органом был Центральный совет координации – орган чисто коллегиальный, не имеющий председателя.

Не существовало никаких насильственных органов и судов. Законодательство охватывало лишь комплекс обязательных для всех мер, обеспечивающих технику безопасности в условиях огромных технических возможностей. Проверки проводили специально назначенные люди. Компетентной группе лиц в случае необходимости поручали разбор нарушений и проведение нужных мер в отношении нарушителя, начиная с разъяснительных бесед и предупреждений. Если нарушитель не соглашался с мнением судившей его группы, разбирательство могло быть проведено более широким кругом лиц – вплоть до вынесения на всеземное обсуждение. Но этот порядок не был точно определен – из-за редкости подобных явлений.

Единственный исключительный случай применение крайней меры – физическое уничтожение нескольких человек, тайком использовавших наркотики, в том числе этанол⁶ в больших дозах, и после проведенного лечения вернувшихся к этому пороку, произошел после бурной кампании при утверждении подавляющим большинством человечества.

Несколько случаев, когда люди были обвинены в умышленной дезинформации или плагиате на почве честолюбия, также согласно общему решению, вызвало применение сурового наказания – длительного бойкота. Осужденный на бойкот лишался средств радиосвязи, не мог пользоваться личным архивом, компьютером, подземным хранилищем; ему запрещалось появляться в общественных местах. В жилой блок осужденного своевременно доставлялась еда, в достаточном количестве – но без какого-либо участия его самого в заказе блюд. Он получал туалетные принадлежности и чистую одежду, цвет и фасон которой указывал людям при его появлении, что с ним нельзя общаться никому. Он не мог ни работать, ни читать, ни смотреть и слушать передачи: он был замкнут в себе, несмотря на то, что его никто не охранял – это было невероятно страшно для человека.

Но часть людей исключалась из общества уже в раннем детстве. Это были те, кто не могли из-за недостаточных способностей заниматься интенсивным интеллектуальным трудом – и потому стать полноценными членами современного человечества. Отбор происходил до 10 лет на основе тщательных наблюдений педагогов, после чего будущее ребенка определялось окончательно.

Полноценные дети получали необходимое образование; неполноценные проходили самое примитивное обучение после того, как были «отбракованы»: лишь правилам гигиены, играм и несложному труду для поддержания здоровья. Благодаря машинам в их труде совершенно не нуждались, и в начале эпохи их считали обузой общества.

Но затем им нашли применение. Они составляли, во-первых, биофонд человечества, служивший источником заимствования внутренних органов и частей тела для хирургических пересадок полноценным, чей организм был изношен интенсивной работой. Во-вторых, их мозг использовался в биокиберах. В-третьих, служили для проведения на них различных опытов. В-четвертых, неполноценных женщин использовали для вынашивания и рождения детей и в качестве кормилиц и нянь. И, наконец, в-пятых, служили для удовлетворения сладострастия полноценных: таких называли гуриями. Исходя из этого, они были разбиты на специализированные группы, после распределения по которым проходили дополнительное обучение, связанное с определенным назначением.

Отделение неполноценных породила нынешняя эпоха. Когда замедлился научный прогресс, люди, не желая с этим мириться, начали предельно увеличивать интенсивность своего труда, углубляя пропасть, отделяющую их от тех, кто к нему был не способен. Стремясь выйти

⁶ Этиловый (винный) спирт.

из кризиса, они старались использовать всё возможное, и все средства казались им допустимыми и оправданными.

Но время шло и ничего не менялось. Блестящие успехи науки предыдущей эпохи стояли укором их бессилию. Это было драмой всех. Подавляющее большинство было охвачено разочарованием, чувствовалось нечто подобное всеобщей депрессии. И это настроение не удавалось одолеть с помощью шумных развлечений, которых у них было намного больше, чем у людей предыдущей эпохи.

У тех было меньше праздников, проще еда и одежда; была умеренность во всем, несмотря на имевшиеся возможности. Но они были счастливее, зная, что жертвуют этими благами, чтобы отдать время, труд, энергию и материалы для ощутимых успехов науки. Обходились лишь необходимым, но были современниками и участниками величайших открытий: были полны гордости своими успехами, веры в свои силы и будущее.

Скрипят деревья. До предела натянуты растяжки, не дающие ветру сорвать, унести палатку. Ночь. Лал не спал, погруженный в мысли, время от времени включая нагреватель трубки и втягивая пары.

...Одно из качеств, несомненно, положительное, достигло в нынешнюю эпоху необычайно высокой степени. Бережливость. Несмотря на изобилие. Это была не скупость – просто современные люди никак не могли понять варварского обращения с сырьем и материалами в прежние эпохи. Почему когда-то предпочитали добывать всё большее количество руды вместо того, чтобы полностью использовать все отходы и повторно, многократно использовать уже имеющийся металл? Вместо того, чтобы собирать все негодные и ненужные металлические предметы и детали; вместо того, чтобы защищать металл от коррозии?

Следствием этой бережливости явилась максимальная утилизация любых отходов. Каждый использованный предмет подвергался киберами тщательному анализу для выявления возможности восстановления его первоначальных качеств. Если это оказывалось невозможным или нецелесообразным, то все материалы, из которых он был сделан подвергались переработке.

И при обработке сырья или продуктов они стремились использовать всё – до последней капли. А то, что невозможно, собирали, чтобы сохранить: знали, что не годное сегодня завтра может стать ценным сырьем. Собиралось абсолютно всё: пищевые отходы; одежда, которую больше не собирались носить; даже человеческие экскременты и моча. Каждая жилая секция имела сборник-утилизатор: он производил анализ, разделение, подготовку к транспортировке и отправку. Им же производилась полная рекуперация воды, поступавшей из канализации: это разгружало внешний водопровод, по которому лишь возмещалась разница между потребляемым и возвратным количеством воды.

Полностью использовались и трупы. В основном для пополнения хирургического биофонда; частично в качестве промышленного сырья. Мясом трупов неполноценных, умиравших не своей смертью, кормили животных на зверофермах и неполноценных. Дошло даже до того, что его стали есть и полноценные: нашлись биологи, утверждавшие, что оно наиболее легко усваивается человеческим организмом и потому является самым ценным видом мяса – его следует в первую очередь включать в рацион детей и больных. Это было одной из крайностей тотальной утилизации.

В своей докторской диссертации Лал отметил её как вторую из теневых сторон современной действительности. Первой он указал отсутствие достаточного количества близких связей на фоне многочисленности их у каждого человека – она волновала его в то время больше всего и была проработана с помощью анализа литературы разных эпох наиболее подробно. Ко второй отмеченной им стороне – употреблению в пищу мяса неполноценных – Лал вернулся, когда начал заниматься журналистикой.

Стиль проведения интервью, который он применял почти с самого начала, был отличен от стиля большинства журналистов: во время его он сам немало рассказывал, вызывая многочисленные вопросы и отвечая на них. Это сильно помогало близко знакомиться с людьми и узнавать о них много больше, чем его в тот момент непосредственно интересовало.

Таким образом, он имел возможность убедиться, что не один питает отвращение к употреблению в пищу человеческого мяса: многие, не выступая против, сами никогда его не ели. Лал сразу получил поддержку, когда выступил в «Новостях» против каннибализма.

Людоедство – это возврат к дикости, доказывал он в серии своих статей. Оно существовало только у самых отсталых племен – ни один из цивилизованных народов не признавал его. Это явление, недопустимое с точки зрения этики: зверство, абсолютно недостойное разумных существ.

В ответ на его пламенные статьи с обилием цитат древних философов и различных этических учений противники его ударили слева. Если быть последовательными, то так же аморальны убой и употребление в пищу мяса животных. Они тоже били цитатами, в частности – Толстого и Ганди. Отвечая им, он впервые высказал положение, что убой животных не противоречит законам, по которым они существуют: биологические законы направлены лишь на сохранение вида в целом – индивидуальная ценность отдельной особи отсутствует.

Полемика, затравкой которой послужили его статьи, была весьма бурной; довольно много народа приняло в ней участие. В пылу полемики кое-кто из противников Лала договорился до того, что «неполноценные» вообще не могут считаться людьми в полном смысле. Он запомнил это.

Его оппоненты оказались в меньшинстве. Благодаря тому, что употребление мяса неполноценных полноценными было довольно кратковременным и не успело прочно укорениться. Всеобщим голосованием оно было запрещено; мясом неполноценных можно было кормить только зверей и самих неполноценных. Это устраивало всех, в том числе – и его самого.

Довольно быстро была одержана эта победа. Она принесла ему известность: многие начали искать встреч с ним.

Одна из них явилась толчком к появлению новых сомнений. Она произошла на одном из островов, оборудованном для детей младшего возраста. На встрече присутствовали несколько педагогов. Там он и услышал так потрясшие его слова:

- Какое это для нас горе – отбраковка! Как будто обрекаешь детей на смерть!
- Это наше общее несчастье, – все педагоги переживают её очень тяжело.
- Хотя мы и понимаем её необходимость.

Тогда же он впервые по настоящему встретился с неполноценными. С роженицами, кормилицами и нянями. Такими же, как те, одна из которых родила, вторая выкормила своей грудью, и третья нянчила его самого. Двух первых он совершенно не помнил, лишь о третьей осталось какое-то смутное, зыбкое воспоминание.

Не занимаясь до сих пор неполноценными, он, как большинство его современников, совершенно не соприкасался с первыми четырьмя их группами. С пятой группой, гуриями, он имел дело только в ранней молодости; потом в этом не было никакой нужды: его успех у женщин был достаточно велик. Поэтому о неполноценных он знал не больше других, то есть для своей профессии недопустимо мало. И Лал стал собирать материал о них.

Как корреспондент «Новостей» он посещал и места, мало известные большинству людей. Материал скопился значительный, содержащий большое количество поразительных фактов.

Но публикации этого материала редактор, Марк, категорически воспротивился:

– Пойми меня правильно, коллега. Мы живем в трудное, напряженное время. Надо выйти из кризиса: во что бы то ни стало. Люди не щадят ни себя, ни других. Мы можем вызвать дискуссию, которая отвлечет силы и отрицательно скажется на общем ритме работы.

– Но ведь это всё – правда!

– Это один из видов платы за прогресс. Мы не имеем право сейчас мешать.

Он сумел убедить Лала. Тем более, что Лал спорил не столько с ним, сколько с самим собой – с той половиной своего сознания, которая с детства привыкла считать предельно совершенным и непогрешимо правильным существующее социальное устройство общества, куда не могли быть включены по своим умственным способностям неполноценные. Люди лишь по рождению.

Но остановиться он уже не мог: неполноценные постепенно стали центром его внимания. Усиленно продолжая собирать связанный с ними материал, он основательно изучил историю вопроса и всё из других областей, имевшее к нему отношение. Пытался анализировать явление в историческом плане, но столкнулся с большими трудностями.

Ничего похожего не было ни в одну из предыдущих эпох. Не было никаких прямых исторических аналогий. Кроме одного: их совершенно бесправного положения. И полного лишения индивидуальной ценности жизни каждого из них. Донор умирает под ножом хирурга, чтобы дать средства для восстановления здоровья и продления жизни полноценных. Гурии, женщины и мужчины, без какого-либо вопроса об их согласии должны отдаваться полноценным. Как наложницы.

Но наложницы были рабынями. Пожалуй, вот тут можно отыскать какую-то аналогию: положение неполноценных отдаленно можно сравнить с положением рабов. Но аналогия слишком неполная: никто не эксплуатирует труд неполноценных. И всё же!

И постепенно появилось понимание факта, что неполноценные не являются чем-то не имеющим отношения к человеческому обществу по причине, которая казалась просто несчастьем, против которого пока не было средств. Они – совершенно определенная социальная группа, органически входящая в общество! И логически неизбежно следовал вывод: наличие её определяет существующий общественный строй – отличный от существовавшего в предыдущую эпоху.

Это было страшное открытие для него, сына своего времени. История для него и его современников была лишь историей научного и технологического прогресса: общественные отношения казались уже чем-то незыблемо стабильным, и неполноценные – существующими вне их, не имеющими к ним отношения.

Нет! Имеют. И их появление как социальной группы – шаг в общественно-историческом процессе, который и не собирался прекращаться. По мнению Лала, это был шаг назад. Отступление к социальному неравенству и несправедливости. Отпали их экономические стимулы они – возникли снова: на совершенно другой основе. Диалектический виток.

Но кому сейчас есть дело до неполноценных? Полноценные, интеллектуалы, не видят ничего, кроме своих проблем. Из них главная – выйти из общего кризиса. Даже те, кто выступал за запрещение употребления в пищу человеческого мяса, меньше всего думали при этом о неполноценных. И он, кстати, – тоже.

Непонимание, на которое он натолкнулся, – страшно, как бойкот. Он замкнут в себе, без конца возвращаясь к одним и тем же мыслям, кружа вокруг них, как прикованный.

Шеф, Марк, кажется, встревожен. Но он не стал снова уговаривать Лала. Вместо этого предложил ему командировку в Ближний космос. Хочет, чтобы Лал на время сменил обстановку.

Лал сразу согласился. Космонавты были очень интересной категорией, давно его привлекавшей. Эти люди, жившие в течение длительного времени в отделенном от всех малочисленном мирке, успевали привыкнуть и привязаться друг к другу. И находясь на Земле, они старались держаться вместе. Их забота друг о друге, внимание, готовность в любую минуту помочь

чем угодно, теплота их отношений – всё это выделяло их и отделяло от остальных: они не очень уютно чувствовали себя среди других людей.

Чтобы как следует познакомиться и сойтись с ними, Лалу нужно год провести на кораблях и космических станциях в пространстве и на планетах. На это время его связь ограничится только находящимися рядом и обменом радиogramмами с Землей. На это и рассчитывает Марк: мало ли что может произойти за этот срок – не появится ли интерес к другим, менее неприятным проблемам?

Мысли о космосе немного отвлекли Лала. Он так и не уснул больше и давно уже не делал попыток.

Ночь почти кончилась. За откинутой занавеской начинало сереть. Хорошо, что ветер утих, что прекратился дождь. Он дождался полного рассвета и вылез из палатки.

Свежий влажный воздух остудил лицо. Он сделал несколько движений, разминаясь. Решил выкупаться.

Разделся и вбежал в воду. Она была холодной, но это-то и нравилось ему сейчас: пришла бодрость. Как и все, он с детства был отлично закален.

Но в момент, когда решил вернуться на берег, почувствовал, что сделать это не в состоянии: река после сильного дождя вздулась – с течением справиться невозможно! Срочно, срочно вызвать аэрокар! А до его прилета держаться – всеми силами!

Он напряг волю, стараясь дышать ровно. На минуту погрузился с головой, успев сделать с радиобраслета под водой вызов аэрокара. Только бы он теперь успел прилететь до того, как одеревенеют начавшие коченеть мышцы: можно будет уцепиться за веревочную лестницу. Продержаться! Течение не одолеть – только устаешь, и он прекратил с ним бороться – стал использовать его же где возможно, чтобы хоть сколько-нибудь приблизиться к берегу. И когда аэрокар наконец-то появился в небе, Лал уже сумел сам оказаться недалеко от берега. Её рывок, последний – и через минуту он почувствовал ногами дно.

Лал выбрался на берег: стоя на четвереньках, судорожно дыша, несколько минут отдыхал. Потом заставил себя подняться и двинулся вдоль берега туда, где была его палатка; аэрокар летел за ним. Как только смог, стал ускорять шаг, затем побежал. Когда добежал до палатки, пар всюду валил от него.

Растеревшись докрасна сухим полотенцем, выпил несколько живительных глотков водки, съел кусок горячей рыбы. Блаженно развалившись на матрасе рядом с палаткой, он отдыхал. Казалось, вот-вот заснет, но слишком хорошо знал: легонько задремлет, всего минут на десять, – и сразу наступит бодрая ясность.

Так и было. И тогда снова пришли мысли, ставшие неотвязными. На мгновение вспомнил свое купание – и почему-то только тогда ощутил страх. Ведь мог утонуть! И утонул бы, наверняка, если бы продолжал стараться силой преодолеть течение. Куда там: как прет!

Мысль о потоке сплелась с мыслями о неполноценных. Силой не одолеть и поток исторического процесса! Надо стараться, тоже, использовать его же самого, находя те струи, которые будут приближать к желанному берегу. При существующем положении только так и удастся достичь цели.

Какой? Существует несправедливость. Это – факт, – хотя Лал ещё хотел, чтобы ему доказали, что он ошибается. Но уже не верил – почти совсем – что это возможно. Он должен ещё раз, последний, исследовать свой страшный вывод со всех сторон. Чтобы восстановить справедливость.

Это необходимо! Высокоинтеллектуальное человечество не должно допускать бесчеловечное обращение с себе подобными, хотя и стоящими ниже по уровню способностей. Люди не должны быть интеллектуальными зверьми.

Путь к цели вряд ли будет легким. Надо запастись хладнокровием и терпением. Куда большим, чем потребовалось сегодня. И не дать равнодушию, как холоду, сковать тебя. Найти те тенденции исторического процесса, явления и события, которые помогут. Как струи, медленно несущие к берегу. И не надеяться на быстрый успех. Надо верить до конца и не складывать руки. Надо, надо, надо!

Впервые за многие последние дни Лал почувствовал, что начинает успокаиваться. Нужно походить по лесу, достаточно много, чтобы физическая усталость помогла заснуть. Можно прихватить лук и стрелы: поохотиться.

4

Когда врач сказал Дану, что его хочет видеть Лал, тот равнодушно произнес:

– Пусть приходит.

Врач тут же вызвал Лала:

– Желательно, даже сейчас. Он никого не пускал к себе. Может быть, встреча с тобой сможет оказать на него какое-то благотворное действие.

...Более года пробыл Лал в Ближнем космосе; это было достаточной причиной, чтобы, вернувшись, самому вызвать Дана. Но ответного сигнала не получил. Сразу как будто оборвалось сердце: что с ним случилось? Он немедленно сделал запрос по компьютеру – и узнал о болезни Дана.

Чем болен, компьютер не сообщил, но, увидев Дана, Лал сразу определил болезнь: депрессия, глубокая. Нельзя сказать, что Дан обрадовался ему. Оставался таким же угрюмым, подавленным. Но Лал знал, что он сейчас вообще не способен ничему радоваться. И осторожно расспрашивая, добился того, что Дан немного разговорился.

– Ты получил мою радиограмму?

– Да. У Плутона.

В короткой радиограмме Дан сообщил Лалу о подтверждении предположения Михайлы и создании периодического закона элементарных частиц. Подробностей в радиограмме не было.

На эту тему Дан говорил охотно. Рассказал о первом совпадении, потом о поиске материала.

– Я мог бы очень быстро помочь тебе его получить. – У Дана был тогда повод связаться с ним, а он – ждал.

– Не догадался, – совершенно равнодушно произнес Дан.

...До понедельника они кое-что успели сделать. Компьютеры у всех работали непрерывно. Даже у молодых аспирантов, Гая и Юки, которая дала необходимый материал; они тоже разъехались по домам, забыв о своей страсти.

Большинство частиц давало совпадение с группами графика. С некоторыми приходилось возиться, и Дан дал указание, не задерживаясь на них, переходить к другим частицам. Работали днем и ночью. Забыли об усталости, потому что дело шло успешно.

В понедельник Дан послал предварительное сообщение Академии и Центральному совету координации. К ним подключили большое количество математиков и специалистов по ядерным частицам. Дали почти неограниченный фонд времени использования суперкомпьютеров с правом внеочередного обслуживания.

Всё шло необычайно быстро. Трудности были только с частицами, характерные числа которых не поддавались обработке по общей методике: они отнимали больше всего времени. У некоторых из них было обнаружено отклонение от основного принципа определения характерных чисел, после чего они были откорректированы и дали совпадение. Другие не поддавались и такой обработке и проходили экспериментальную перепроверку. К счастью, таких было совсем мало. Перепроверка во всех случаях обнаружила ошибки или помогла дать уточненные поправки на погрешность измерений.

Но ещё до окончания перепроверки начали построение самой системы частиц на основе повторяющихся групп разностей соседних интервалов между простыми числами. Некоторое количество мест в ней не были заполнены: значит, должны быть ещё не открытые частицы. Если, конечно, верен принцип. Набор характерных частиц каждой из гипотетических частиц давал возможность довольно близко предсказать их свойства и согласно этому построить экс-

перименты. Поиск их увенчался успехом. Их открыли даже раньше, чем была закончена обработка последних «трудных» частиц.

Это окончательно убедило Дана: чутье и раньше уже подсказывало ему, что закон верен. И он, не дожидаясь окончания работы по составлению периодической системы частиц, начал отходить от непосредственного участия в ней. Вернулся к своей основной теме, вооруженный открытым законом, и с удивлением обнаружил, насколько многие из его работ, в которых он когда-то зашел в тупик, вдруг получили выход, сплелись в стройную цепочку выводов, давая объяснение множеству накопленных фактов.

Он пытался понять, что кроется за ними – простыми числами. Какая загадка природы? И какие новые возможности может дать человечеству её разгадка?

От работы над частицами он устранился полностью, только интересовался новыми результатами. Интенсивно работал над своим, используя весь ранее отпущенный ему фонд машинного времени суперкомпьютера, производившего перебор данных и сложнейшие расчеты. С их помощью он надеялся наткнуться на что-то, что поможет ему.

Но как когда-то, постепенно начал понимать, что из этого ничего не выйдет. Дело уже не в математических трудностях. Нужно понять какие-то фундаментальные вещи. Но какие?

Когда впервые мелькнула мысль о возможных высших структурах, которым необходимо приписать константы, подобные скорости света, но не одну, а несколько, он сразу постарался отбросить её как очевидно нелепую. Ведь тогда также необходимо допустить совместное существование сразу нескольких различных пространств, к тому же не четырех, а многомерных, с разными геометриями и временем. Плюс к этому сложная кривизна, неоднородность пространств и очень зыбкое представление о непрерывности и бесконечности. Чутье, абсурд!

Но перебирая один за другим приходящие в голову варианты, он снова остановился на этой гипотезе, решив проверить и её. Просто так, будучи уверен в её ошибочности. Но не сумел обнаружить в ней внутреннюю противоречивость. Несмотря на безумие принципа, стройные математические зависимости давали весьма убедительные результаты. Некоторые расхождения с данными экспериментов легко объяснялись их нахождением в пределах вероятных ошибок.

Значит, она правильно отражает действительность? Нет, тысячу раз – нет!!! Всё восставало в нем. Чтобы принять эту гипотезу, надо переломать всё. Все взгляды, все представления. Нет – и ещё раз нет!!!

Как загнанный кружась по бесконечному кругу, снова и снова пытался он найти выход в другом варианте, другом объяснении. Лихорадочно думал и искал. И ничего не получалось.

Почти перестал спать. Переутомлен был неимоверно. С огромным трудом скрывал свое состояние во время регулярных врачебных осмотров. Всё начало раздражать и угнетать его, еда внушала отвращение; стало трудно сосредоточиться, кружилась голова и было трудно дышать. Он потерял веру в себя, жизнь и всё окружающее казались бессмысленными и отвратительными. Откуда-то появились безотчетный страх и необъяснимое чувство вины за всё.

Чтобы не оставаться одному по ночам, последнее время вызывал к себе с вечера гурию. Одну и ту же. И отпускал её лишь утром, когда совсем рассветало. Несколько дней назад он, разбив аквариум, сделал попытку покончить с собой с помощью осколка стекла. Помешала гурия, которая, вернувшись от него, сообщила об этом. Так он очутился здесь.

...Рассказывал он сбивчиво, сумбурно, перескакивая и повторяясь. О попытке самоубийства говорил совсем кратко, нехотя, но полная безнадежность его взгляда внушала опасение, что он ещё не расстался с этой мыслью.

- Не исключено, что твоя гипотеза верна, отец.
- А-а! Этого не может быть. Просто я сошел с ума, потому и додумался до такого.
- Но теории относительности тоже вначале казались безумными.
- Эйнштейн не был болен: он не сходил с ума.

– А я читал, что ему пришлось лечиться от сильной депрессии. Источник, правда, не абсолютно достоверен – но поверить можно. Это расплата за перенапряжение при попытке перехода за уровень своего времени. И в его, и в твоём случае.

– Сравнить меня с Эйнштейном!

– Именно! Ты веришь мне?

– Тебе – да. Ты очень много знаешь.

– Тогда послушай. Мне кажется, что она верна.

– Нет!!! Нет!!! – закричал Дан, трясая кулаками. Тотчас же вбежал медик-студент:

– Уходи, пожалуйста. Быстрее!

Лал ушел, полный противоречивых чувств. Он был невероятно расстроен состоянием Дана. И одновременно радостно возбужден: потрясающая гипотеза Дана – Лалу действительно казалось, что она должна быть верна, хотя Дан сам и не хочет, вернее, не может ещё признать это. Лал не был физиком, но вполне понял то, о чем говорил Дан: современный историк должен был знать очень и очень многое, и Лал, пожалуй, как никто обладал этим качеством. И, кроме того: кто ждет и надеется, тот раньше других начинает верить.

Если всё правильно, трудно переоценить открытие Дана. По калибру оно не уступит крупнейшим открытиям предыдущей эпохи – это будет настоящий переворот в физике. Значит...

Значит, это будет знаменовать конец нынешней эпохи – эпохи без крупных научных открытий, эпохи безверия и уныния. Эпохи кризиса, выход из которого является всеобщей целью. И тогда многое может измениться. Открытие Дана – то, что может стать струей, которая понесет к берегу.

Неполноценные! Ничего не изменилось во взглядах Лала за время его отсутствия на Земле. И там он видел неполноценных – тех, на которых проводят опыты: других там нет совершенно. Работы было меньше, чем на Земле, времени хватало, – имелась полная возможность всё снова подробно обдумать. И он вернулся, твердо убежденный в правоте своих взглядов на современное социальное устройство.

Гипотеза Дана – как вспышка во мраке. Надо верить, что она не погаснет. Надо, ой как надо, чтобы Дан смог выздороветь! И как можно скорей.

... На следующий день Дан сам попросил врача вызвать Лала. Первым его вопросом было:

– Ты рассказал кому-нибудь об этой проклятой гипотезе?

Лал удивленно глянул на него:

– Нет, конечно: ты же не давал мне разрешения.

– Ну, хорошо. Никому не говори. А ещё лучше – вообще о ней забудь.

– Нет. Я знаю: ты скоро выздоровеешь – и опять вернешься к ней.

– Вряд ли.

– Обязательно. Всё будет хорошо: они тебя скоро вылечат – верь мне.

Но Дан был слишком измучен, чтобы верить во что-нибудь. С ненавистью встречал он каждый новый день. Не быть, не говорить, не думать, не существовать – самое сильное его желание.

К счастью, от лекарств, которые давал ему врач, он большую часть времени спал. Во сне организм освобождался от скопившихся шлаков. И острота отчаяния уходила, хотя по-прежнему ничто не радовало его.

И вот однажды, проснувшись, Дан снова почувствовал бодрость, спокойствие и радость существования. Сверкало солнце, трепетали от легкого ветра листья деревьев за окном. Ясность в голове, сила и уверенность в мышцах. Улыбкой встретил он приехавшего в обычный час Лала.

...Они много гуляли по парку клиники, молча или разговаривая. Ловили вместе рыбу в пруду. И мысли Дана медленно начали возвращаться к работе.

Он почувствовал, что уже спокойно может воспринимать свою гипотезу гиперструктурного строения материи. Понемногу начал заниматься ею. И теперь, когда он принял странные выводы как неизбежные, всё окончательно прояснилось и начало укладываться в стройную систему.

За неимением другого первые записи он сделал веткой на песке, на берегу пруда.

– Сынок,ними их, пока ещё целы, – с хитрой улыбкой обратился он к Лалу, которого дожидался в то утро с нетерпением. И Лал бросился выполнять его просьбу: к счастью, ветер не успел повредить запись.

В тот же день Лал решил поговорить с его лечащим врачом.

– Теперь его не остановить. Отсутствие возможности пользоваться архивом и компьютером от работы его не удержит – будет делать без всяких средств, в голове. Это не даст ничего, кроме перенапряжения мозга.

– К сожалению, мне это хорошо известно. Выписать из клиники придется, только не сорвется ли он без постоянного наблюдения?

– Я буду с ним каждый день, когда только можно – буду следить, чтобы он снова не сорвался.

– Хорошо. Я сам буду наблюдать его раз в три дня. Но ты, если заметишь что-то, сообщи сразу же. Договорились?

Дану он очень подробно при выписке объяснял режим работы, смены занятий, отдыха и приема лекарств.

– Строго рассчитывай силы. Как на длинной дистанции. Начнешь преждевременно форсировать – снова сорвешься.

И всё-таки врач напоследок спросил Лала, когда Дан вышел из кабинета:

– Ты не сумеешь уговорить его как-то отложить работу? Хотя бы на полгода?

– Ты плохо знаешь Дана. Но все твои указания мы выполним.

5

Дану потребовалось всего около года, чтобы всё закончить и оформить. Удивительно быстро.

– Если не считать предыдущие сто тридцать лет, – задумчиво сказал он Лалу, завершив работу.

Лал всё это время был рядом. Дело дошло до того, что он стал появляться у него в блоке. Сначала изредка, когда погода была настолько скверной, что они не могли, как всегда, идти гулять вдвоем. Потом всё чаще. Дан работал, а Лал устраивался на террасе и тоже работал, писал.

...Первый доклад о гипотезе гиперструктур Дан сделал в самом узком кругу – группе, работавшей над созданием периодической системы элементарных частиц. Это были люди наиболее подготовленные, и того требовало его положение их учителя. И, затем, на следующий день – официальный доклад Академии.

Как и ожидал Лал, присутствовавший на обоих из них, гипотеза Дана оказалась слишком неожиданной для современных физиков. У большинства она вызвала резкое неприятие. Но другие, пораженные смелостью выводов Дана не меньше остальных, бурно выражали свое согласие с ними; указывали множество дополнительных явлений, которые, наконец-то, могут быть непротиворечиво объяснены.

Главное, что поражало: используя парадоксальные свойства гиперпространства, создавалась возможность невероятно быстрого преодоления сверхдальних расстояний. Возможность небывалая, невероятная, огромная: прорыв людей, не киборгов⁷, в Дальний космос.

До сих пор корабли с людьми, бороздившие Ближний космос, не забирались дальше Минервы – двенадцатой планеты Солнечной системы. В Галактику уходили лишь разведчики-киборги, управляемые мозгом человека, заключенным в специальной камере, где ему обеспечивалась подача жидкости, насыщенной кислородом и питательными веществами, и вывод шлаков. Тысячами связей мозг был соединен с датчиками, компьютером и органами управления корабля. Передвигаясь на огромных скоростях в Большом космосе, разведчики возвращались – не все – через десятки и сотни лет после отлета и приносили бесценную информацию о глубинах Галактики, звездах, планетах. Главной целью их поиска были планеты, пригодные для заселения, и обнаружение внеземных братьев по разуму. Но пока ни один разведчик не принес радостной вести.

И из-за этой возможности, несмотря на то, что сторонников теории Дана было ничтожное меньшинство, он получил возможность сделать всемирный доклад.

Никто не остался в стороне. Гипотезу обсуждали везде и все; спорили бесконечно, яростно. Её трудно было принять – её невозможно было опровергнуть. Она могла означать невиданный научный взлет, выход на новый уровень человеческого могущества, расширение границ господства над природой. Или новое разочарование в своих силах – ещё более горькое. И всё бурлило.

Не один год понадобился, чтобы добиться общего её признания. Противники её были вынуждены отступить: достаточно значительным было число объясняемых ею фактов, – был и случай практического использования. За это время Дан, вначале один, а затем во главе мощного конструкторского бюро подготовил принципиальное решение конструкции гиперэкспресса-звездолета.

⁷ Киборг (сокращение от англ. *cybernetic organism* – кибернетический организм) – биологический организм, содержащий механические или электронные компоненты.

Когда вопрос о создании его был поставлен на всемирное голосование, никто не выступил против – даже многочисленные ещё противники самой теории. Никого не остановила необходимость не один год обходиться более скромной пищей и одеждой, отказаться от многих развлечений, затормозить собственные работы. Чтобы создать чудо своей эпохи – звездолет-экспресс.

Длина его ажурной конструкции, образующей ортогональную систему поверхностей второго порядка – эллипсоидов и гиперболоидов, должна была быть около ста километров, диаметр – тридцать. Её должны были смонтировать за пределами Солнечной системы, далеко за орбитой последней планеты – Минервы. Руководство строительством поручили ученику Дана – Аргу.

Как и разведчики, уходившие в Дальний космос, экспресс в первом полете ещё должен быть кораблем-киборгом, управляемым мозгом крупнейшего астронома Тупака, двести лет тому назад пересаженный в корабль-разведчик. Он летал в Галактике, доставляя на Землю сведения о ближайших к Солнцу звездах. Тупак отличался неправдоподобной смелостью, дерзостью и изобретательностью.

Узнав в свой последний прилет о возможностях, открываемых теорией гиперструктур, он почти потребовал, чтобы первый экспресс-звездолет дали вести ему. На предупреждение о достаточно большом вероятном отклонении конечной точки гиперпереноса от расчетной, радировал:

– Ну, так двум смертям не бывать, а одной – не миновать. – Эта перспектива его не останавливала. Он верил – ему до сих пор здорово везло.

В случае удачи он пошлет сигнал, который через пятнадцать лет дойдет до приемных станций в Солнечной системе, а сам потом облетит ещё несколько звезд и исследует их, а в случае обнаружения и планеты с помощью автоматов-разведчиков, после чего вернется.

Вращаясь на своем корабле вокруг Солнца, он вел переговоры с Академией, Даном и Аргом.

Годы после отлета гиперэкспресса Дан посвятил исключительно преподавательской работе. Он создал и читал курсы теории гиперструктур для университетов и институтов и введение в теорию для лицеев и колледжей.

Постепенно замолкли все, кто был вначале не согласен с его теорией. Появление её как мощный импульс вызвало следом большое количество крупных открытий. Казалось, уже кончилась эпоха научной депрессии, и человечество радостно двинулось по пути научного прогресса. И в успехе полета Тупака никто не сомневался. Кроме самого Дана.

Он был самым популярным человеком на Земле. Всемирным голосованием его избрали академиком: этим даровали ему вторую жизнь – его голова незадолго перед смертью будет пересажена на тело донора. Но Дан мало думал об этом. Нетерпеливо, хотя внешне это никто не мог заметить, он ожидал сигнала Тупака.

...И сигнал пришел. Были прерваны абсолютно все передачи для экстренного сообщения Академии.

Люди как будто обезумели: бурное ликование охватило всех. Никто не сидел дома, в своем блоке. Люди толпились на площадях и аллеях, кричали, пели, плясали.

Хотели видеть Дана. Но он не появлялся. В ответ на нескончаемые радиовыводы лишь на несколько минут появился на экранах, поздравил людей, поблагодарил всех и сказал, что хочет побыть один. Его не смели беспокоить. Но глазок приемника горел, шла запись непрерывно поступающих радиограмм.

Только когда после сигнала вызова на экранчике радиобраслета появился Лал, он сказал: – Приди ко мне: очень жду тебя.

Лал застал его в садике, сидящим в кресле – с выражением какого-то полного бессилия и безразличия ко всему. Равнодушно поблагодарил за поздравление, за принесенные цветы.

Лал откупорил бутылку со светлым вином.

– Её дал мне когда-то один винодел: в нем старое вино с удивительным букетом. Он велел хранить это вино до особого случая, который может быть только раз в жизни. Сегодня как раз такой. Выпьем за победу, отец! – Губы Лала дрожали, в глазах стояли слезы.

Они чокнулись. Дан сделал несколько глотков. Он слишком устал: начал моментально пьянеть. Жадно допил свой бокал. И вдруг начал рыдать.

Лал не успокаивал его: пусть, слезы помогут ему расслабиться. Постепенно Дан успокоился и стал засыпать, ещё изредка всхлипывая.

Робот постелил постель. Дан уже спал. Лал сам поднял его, чтобы перенести в нее, и с удивлением и испугом почувствовал, какой он стал легкий. Осторожно уложил его.

Как же он постарел, ссохся. Как выжатый лимон. Герой – измученный совершенно!

...Лал включил полное затемнение и ушел, оставив спящего тяжелым, мертвым сном Дана.

Он шел по аллеям, ярко освещенным и заполненным людьми. Надвигалась ночь, но никто не думал о сне. Люди шли, обнявшись – ликующие, пьяные от счастья. И Лал чувствовал, что сегодня он один как никогда. Для них это – победа, конец эпохи кризиса. Для него – лишь конец первого этапа окончания его.

Пожалуй, самого важного. Поэтому на все эти годы борьбы за утверждение теории Дана пропаганда её стал основным делом и смыслом его, Лала, жизни. Он поверил в значимость этой теории с самого начала: она должна была покончить с кризисом. До того никто бы не стал его слушать. Даже Дан.

Дан! Сколько раз казалось, что, глядя ему в глаза, Дан угадывает, что он всё время что-то таит в себе, не рассказывает. Но мысли Дана были сосредоточены лишь на одном. Он отдавал себя этому целиком – предельно напряженный сгусток мысли, энергии, воли. И не было уже места рядом ни для чего другого. Иначе было невозможно. Лал это слишком отчетливо понимал. И не смел мешать. Он терпеливо ждал.

Но и после отлета корабля Дан продолжал думать только о том же. Он уже не нуждался в помощи Лала, они стали видеться несколько реже. Лал с головой окунулся в литературную работу, создал несколько книгофильмов. Журналистской работой продолжал заниматься только для того, чтобы иметь доступ к сведениям о неполноценных.

Несправедливость существующего социального порядка для него давно была очевидна. Примеры истории призывали к её уничтожению. Но конкретного пути к этому он не видел.

Осторожные попытки высказаться по-прежнему оставались безрезультатными. Сегодня рухнула и надежда сказать всё Дану: у Дана совершенно нет сил – он без остатка потратил себя, свернув гору. Никто не в праве взваливать на него сейчас новые проблемы. Тем более он, самый близкий его друг. Дана надо щадить: к сожалению, ясно – начинается его угасание. Жить ему остается немного, если... Если не удастся операция возрождения. Но больше шансов, что удастся. И тогда – тогда другое дело. Но пока... Пока Лал не скажет ему ничего.

Лал продолжал идти по аллеям, отвечая на многочисленные приветствия и поздравления, и никто не знал и не догадывался, какие мысли мучают его. Машинально дошел до кафе, куда чаще всего заходил последнее время. Сегодня здесь шумно, несмотря на страшно позднее время. Перед многими стояли бокалы с вином, как на пиру.

Ещё у двери он услышал слова, заставившие его сразу повернуть голову:

– Неужели и теперь всё останется, как было? Должна же когда-нибудь исчезнуть она, отбраковка – проклятье наше! Кому она теперь нужна будет – не понимаю! – говорила молодая женщина.

За её столом сидело человек десять. Лал назвал себя и попросил разрешения присоединиться к ним. Они охотно сдвинулись, давая ему место.

Женщину звали Евой. Лал и она быстро нашли общий язык и, почувствовав, что их разговор мало интересен для остальных, вскоре покинули кафе. Долго шли, пока не оказались за пределами города.

Лал считал, что ему, наконец-то, повезло. Они проговорили весь остаток ночи: обоих мучили близкие вопросы.

Еву, педагога, волновала в первую очередь отбраковка. Много из того, что она говорила, он слышал раньше, не один раз.

...Как больно собственными руками изымать из человеческого общества ребенка, с которым возился – и к которому привык! Как бы он не был малоспособен. Отбраковка – проклятье, отравляющее жизнь всех педагогов и врачей, растящих детей ранних возрастов.

Все они, и она в том числе, понимают значение и необходимость её при максимальном напряжении сил для выхода из кризиса. Но, похоже, кризису пришел конец. Так нужна ли и дальше эта отбраковка? Конечно, использование неполноценных немало дает человечеству, и вряд ли от него смогут отказаться. Но нельзя ли найти что-нибудь иное? Попробовали бы сами участвовать в этом кошмаре – отбраковке!

Ведь дети, к которым привык, дороги тебе все: и способные, которыми гордишься, и малоспособные, которых тебе жаль. Дети самое лучшее, самое прекрасное на свете, особенно маленькие. Женщины былых эпох, которые сами рожали детей и кормили их собственным молоком, наверняка были счастливее современных. Она бы хотела очутиться на их месте...

У Лала появилось предчувствие, что она подводит его к какой-то разгадке.

– А если бы твой ребенок был бы лишен способностей? – задал он ей вопрос.

– Возилась бы с ним, пока жива. Даже с взрослым. Он, всё равно, был бы мне дороже всех.

– А если бы его попытались отбраковать?

– Ну! Не дала бы!

– Не дала бы?

– Никогда! Любой ценой.

– Ну... А если бы – все женщины сами рожали и нянчили своих детей?

– Тогда уже со всеми детьми никто ничего не смог бы сделать. Не позавидовала бы я тому, кто бы попытался!

– А мужчины как?

– Тоже: если бы знали, что это их ребенок, помогали бы растить и привыкли к нему – и тоже ничего не дали бы с ним сделать.

Она была права!!! Ведь Лал знал историю появления неполноценных: они стали социальной группой после перехода на рождение детей исключительно специальными роженицами, которые тоже вошли в состав неполноценных. Именно так замкнулся порочный круг.

Вся его беда была в том, что он до сих пор не видел существенной связи этих явлений. Только сейчас понял, наконец, в чем основное условие существования социальной группы неполноценных, одна из главных причин. И стало ясным, что надо делать.

...Но Еву, оказывается, волновала лишь отбраковка. Горячее желание избавиться от нее, причем как можно скорей, и мечта самой стать матерью, влияние подспудно заложенного в ней инстинкта, существовали для нее совершенно отдельно, вне всякой связи. В возможность возврата всех женщин к материнству она не верила. Главное: добиваться безотлагательной ликвидации отбраковки. Любой ценой.

Даже за счет увеличения потомства неполноценных. Ведь они неполноценные с самого рождения – с ними все ясно, и ничего не надо решать. Она была, всё-таки, удивительно человек своего времени, которому существование неполноценных в принципе казалось совершенно нормальным.

Но при этом в отличие от Лала она не была столь одинока. Ева знала многих, которые думали так же, как она. Число их было достаточно значительным. Они могли бы добиться проведения хотя бы частичных мер по ограничению отбраковки.

Это могло бы быть первым реальным шагом. И если они начнут действовать, он обязательно присоединится.

Он протянул ей руку. Они понимали друг друга: пальцы не переплелись – руки соединились в крепком пожатии.

6

Конец приближался. Дан отчетливо понимал это: силы уже стали совсем не те. Всё-таки потихоньку ещё занимался оттачиванием учебных курсов теории гиперструктур, руководил учениками. Но теперь гораздо больше стал интересоваться вещами, не связанными с работой. Путешествовал. С удовольствием сидел вечерами в клубах и кафе. Беззаботно веселился на пирах, любуясь танцующими и присоединяясь к поющим. Читал, размышлял о смысле жизни.

Частенько сидел в своем садике, любуясь ночным небом и звездами, и мечтал. Жизнь почти прошла, целиком отданная решению поставленной себе задачи. Он не жалел не о чем, тайком даже от самого себя гордился своими результатами. Если он умрет, его не забудут: он добился того, что являлось затаенной мечтой каждого – места в Мемориале Гения Человечества.

...Расположенный на склоне самой высокой на Земле горы, Джомолунгмы, гигантский комплекс его начинался у самого подножия и шел кверху. На террасах-ступенях исторических эпох стояли скульптуры, висели портреты и были начертаны имена и заслуги тех, кого помнило человечество, кто мыслью своей и деятельностью продвинул его вперед по пути познания и прогресса. Каждая ступень была заключена в строение, отражавшее основные архитектурные стили той эпохи; размер скульптуры или портрета и надписи соответствовало значительности заслуг. Ступени по мере возвышения становились всё больше и тесней заставлены. У входа в Мемориал стояла статуя первобытного человека с каменным топором.

В пустом зале на последней ступени проходили торжественные вручения докторских дипломов, отпечатанных на настоящей бумаге. Молодые ученые поднимались туда пешком, проходя через все залы.

...И всё же грустно думать о том, что впереди ничего, кроме Мемориала. Да и незачем: мало операций возрождения кончается неудачей. И более вероятно, что и он воскреснет с молодым телом и свежими силами для новой жизни.

Чем займется он в этой новой жизни? Конечно, создать ещё одну теорию, подобную теории гиперструктур, он не сможет: до конца прикован к рожденным им самим в муках представлениям. Для возможности создания другой такой теории надо менять не тело, а мозг. Значит, только продолжать занятия частными вопросами своей теории и преподаванием? Стоит ли для этого жить второй раз?

Что он хотел в настоящей жизни и от чего отказался ради своей основной работы?

Многие педагоги в детстве считали, что он станет музыкантом. Он и сейчас необычайно любил музыку и играл на оркестрионе, по оценке всех, кому довелось слышать его игру, замечательно, – но понимал, что главным в жизни она для него стать не смогла бы.

Ещё он очень любил в детстве читать о путешественниках и первооткрывателях. Может быть, самому отправиться в Дальний космос на гиперэкспрессе – разыскивать внеземные цивилизации?

...Лал в этот момент возник на экранчике радиобраслета, и Дан полусерьезно рассказал ему об этой мысли.

– Меня возьмешь с собой, отец?

– Ну конечно! Как я там буду без тебя? Мне и здесь тебя теперь частенько не хватает. Как идет книгофильм?

– Посмотришь последние куски?

– Конечно: включи мне их перезапись. Предыдущий кусок, по-моему, очень удался.

– Это немалая заслуга Лейли.

– Передай ей, что мне трудно сдержать слезы в иные моменты, когда она играет.

- Она будет тронута. Твое имя она всегда произносит с благоговением.
- Как жаль!
- Почему?
- Я стар – а она такая красивая и талантливая.
- Можно ей это сказать?
- Если хочешь.

Когда силы Дана стали стремительно убывать, его перевезли в Институт возрождения под постоянный надзор медиков.

Шла подготовка к операции. Были намечены и дополнительно обследованы на оптимальную биосовместимость несколько неполноценных – доноров тела. Из них выбрали основного донора и запасного дублера и начали готовить к операции.

...Дан уже подходил к тому пределу состояния, когда операцию больше откладывать нельзя. Ещё раз было получено его согласие, и окончательно назначена дата.

Устроили вечер его прощания с теми, кого он хотел увидеть последний раз перед долгой, а может быть, и вечной, разлукой: его ближайшими учениками, коллегами – и, конечно, Лалом. Лучшие исполнители играли его любимые произведения, пели, танцевали, читали стихи.

А пришедшая с Лалом Лейли, талантливейшая актриса и самая красивая женщина Земли, тихо сказала ему:

- Возвращайся возрожденным. Тебя будет ждать моя страсть.

Он улыбнулся: ей, своим мыслям. Никогда в жизни страсть не охватывала его сильнее, чем жажда открытий. Что ж, прекрасно, если будущее сулит и это: страсть такой прекрасной женщины – с божественно красивым лицом и телом, бездонными темными глазами и нежным ртом.

...Лал был с ним до последнего мгновения, и его лицо над колпаком, под который Дана уложили, чтобы уснуть, было последним из того, что он видел перед тем, как уснуть.

Часть II ГИПЕРПЕРЕНОСЫ

7

Более сотни хирургов с помощью огромного числа аппаратов вели в специальной камере сложнейшую операцию. Голову Дана многими тысячами связей соединили с телом молодого донора.

Потом был долгий послеоперационный период между небытием и бредом. И ещё много времени прошло, прежде чем – сознание стало ясным, и ещё, когда ему, наконец, позволили встать и начать двигаться. Новое тело, молодое и красивое, было непривычным для него: он с трудом управлял своими движениями. Тщательный уход, жесткий режим, процедуры, лекарства, упражнения – он ничего другого не знал и не видел, находясь в институтском санатории.

Оттуда Дан вышел только через три года после операции, полностью владея своим новым телом, молодой и сильный, с разгладившимися под действием свежих гормонов морщинами и снова потемневшими волосами. Пока ещё след шва на шее был укрыт защитным золотым воротником в форме древнего египетского ожерелья.

Он вернулся домой в канун Нового года, никого не предупредив: хотел устроить всем сюрприз, неузнаваемым появившись на новогоднем карнавале. Единственный радиовывоз он сделал Лалу, но тот не ответил: снова был в Ближнем космосе.

...В сообщении на экране не было ни слова, что Лал улетел туда не по собственной воле. Когда-то это называлось ссылкой, внешне было очередным заданием «Новостей». Для тех, кто этого добился, длительное отсутствие Лала на Земле казалось лучшим выходом из создавшейся ситуации.

Педагоги, единомышленники Евы, зашевелились как раз к тому времени, когда Дана поместили в Институт возрождения. Это произошло не без воздействия на них серии статей Лала, так что нельзя было считать, что он лишь примкнул к ним после того, как они объединились и выступили за ограничение отбраковки.

Развернулась полемика с теми, кто был против каких-либо изменений. Их было много: генетики, хирурги, биокибернетики, сексологи, социологи. У возглавлявших их, особенно у крупнейшего генетика Йорга, хватало понимания того, что полемике нельзя позволить стать широкой, чтобы не заострять всеобщее внимание на связанных с ней вопросах. Им удалось сделать всё возможное: многие о полемике даже не знали.

Лал выступил с новой серией статей. С самого начала его положение было крайне сложным: полных единомышленников у него не было даже среди тех, с кем он был заодно. В пылу полемики он начал говорить гораздо больше, чем требовалось для поддержки движения. И оказался совершенно один. Лишь стремление противников движения избежать широкой огласки спасло его: без всемирного суда применение бойкота было невозможно. И Йорг убедил Марка отослать его в Малый космос.

Первый раунд был проигран. Надо было опять ждать. И делать пока хотя бы возможное. Что ж! Он понимал, что это лишь начало. И временно отступил. Не изменив убеждений, не теряя веры.

Миллиарды километров отделяли его от Земли и от Дана.

Новогодний карнавал – самый пышный из общеземных. В каждом городе для него специально строятся огромные павильоны для пиров; объединяются усилия художников, шутов

и артистов. Кулинары стараются превзойти самих себя, используя самые редкие деликатесные продукты, производство которых ограничено из-за нежелания тратить слишком большое количество энергии. И каждый карнавал сверкал выдумкой и фантазией и не был похож на предыдущий.

Дан оделся, как молодой – ярко. Тонкая белоснежная кружевная рубашка из льна с огромным, закрывающим плечи воротником; золотая сетка-жилет с длинными кистями до бедер поверх нее; цвета чешуи красной рыбки-меченосца рейтузы и туфли из черного бархата. На голове стягивающий темные блестящие волосы золотой обруч в виде поднявшей голову кобры с глазами из рубинов. Ювелирный чехол радиобраслета, кольца и серьги с халькопиритом. Он был красив, неузнаваемо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.